

ОГОНЁК
№ 6 ФЕВРАЛЬ 1966
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

44-й год издания

№ 6 (2015)

6 ФЕВРАЛЯ 1966

СЕГОДНЯ МЫ НАЧИНАЕМ ЭСТАФЕТУ 15 СТОЛИЦ СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК

— Какие новые записи в летопись предсъездовских дел вносят ее труженики?

— Какими новостями радуют они нашу страну?

Об этом рассказывают местные журналисты и корреспонденты «Огонька».

КАЖДЫЙ ВТОРОЙ...

По соседству с цехами Киевского комбината искусственного волокна быстро растут корпуса нового производства. Коллектив принял решение к открытию XXIII съезда партии пустить цех, который будет вырабатывать капроновое, штапельное волокно.

Комбинат известен в Киеве не только своей продукцией, но и своими студентами. Здесь почти каждый второй учится. Девушки, которых вы видите на этой фотографии,— представительницы неугомонного племени студентов.

Фото Н. Козловского.

ДЛЯ МУЗ, БОЙЦОВ И ГРАЦИЙ

Оно уже почти готово, это грандиозное, оригинальной конструкции сооружение на Парковой магистрали Минска. Дворец культуры и спорта — так назвали его минчане. Во дворце — искусственный лед. Мужественных хоккейных бойцов здесь будут сменять грациозные балерины на коньках. До и после ледового периода на площадку смогут выйти волейболисты, гимнасты, баскетболисты. Зал, вмещающий около пяти тысяч человек, соберет не только спортивных болельщиков. Во время концертов, литературных вечеров им завладеют поклонники муз.

Фото Б. Кузьмина.

«ЛУНА-9» — НА ЛУНЕ!

ВЫДАЮЩАЯСЯ ПОБЕДА СОВЕТСКОЙ НАУКИ И ТЕХНИКИ

3 ФЕВРАЛЯ 1966 ГОДА В 21 ЧАС 45 МИНУТ 30 СЕКУНД ПО МОСКОВСКОМУ ВРЕМЕНИ АВТОМАТИЧЕСКАЯ СТАНЦИЯ «ЛУНА-9», ЗАПУЩЕННАЯ 31 ЯНВАРЯ, ОСУЩЕСТВИЛА МЯГКУЮ ПОСАДКУ НА ПОВЕРХНОСТЬ ЛУНЫ В РАЙОНЕ ОКЕАНА БУРЬ, ЗАПАДНЕЕ КРАТЕРОВ РЕЙНЕР И МАРИЙ.

В чем трудность мягкой посадки космического аппарата на Луну!

Космическая станция подходит к Луне со значительной скоростью. Чтобы погасить ее, нужно включить двигатель торможения. Самое главное заключается в том, чтобы посадка произошла с нулевой скоростью. Эта скорость должна быть достигнута точно у поверхности Луны. Сложнейшие приборы, которые измеряют расстояние, скорость снижения, регулировали посадку.

Советские космонавты на космических кораблях многократно отработали снижение и мягкую посадку на поверхность Земли. Теперь «Луна-9» впервые в мире осуществила ее на поверхность нашего естественного спутника. Условия прилунения принципиально отличны от земных: Луна лишена атмосферы, сила ее притяжения в шесть раз меньше земной.

Решив сложнейшие научные и технические задачи, советские ученые и инженеры, осуществившие мягкую посадку космической станции и обеспечившие ее работу на поверхности Луны, сделали поистине космический подарок XXIII съезду партии.

Проект гостиницы на Черепановой горе.

НОВОСЕЛ ЧЕРЕПАНОВОЙ ГОРЫ

Черепанова гора... Скоро по улицам этого района пойдут самосвалы и панелевозы, бульдозеры начнут сглаживать крутые отроги, взмахнут руками-стрелами башенные краны. В этом году здесь на улице Куйбышева начнется сооружение крупнейшей в столице Украины гостиницы «Интурист».

— Двадцатиодноэтажное здание красиво впишется в архитектурный ансамбль района,— рассказывает главный архитектор проекта С. Павловский.— Гостиница сможет одновременно принять около 900 человек. На 16 этажах — 480 номеров, на остальных — ресторан, кафе и технические службы.

В проекте предусмотрены интересные новинки. Одна из них — подъемник. Здание будет находиться довольно высоко над улицами района, но, чтобы попасть в гостиницу, не нужно карабкаться по лестнице в гору, достаточно войти в остекленную шахту подъемника, и кабины за несколько секунд поднимут гостей на 25 метров вверх, к пешеходному мостику, ведущему к центральному входу.

О. ГУСЕВ,
сотрудник «Рабочей газеты»

ПОСЛЕ ДЕБЮТА...

Киевскому актеру Ивану Миколайчуку уже однажды пришлось сниматься в двух фильмах одновременно: это были «Сон» и «Тени забытых предков». Дебют оказался на редкость удачным.

И вот имя молодого артиста вновь появилось в титрах будущих картин студии имени А. Довженко. К 50-летию Советской власти будут выпущены на экраны фильмы «Сверьте свои часы» и «Бурьян» по одноименному роману известного украинского писателя Андрея Головко.

В первом фильме Миколайчук выступает в роли поэта Леонида Левицкого, погибшего на фронте, а во втором — коммуниста Давида Мотузки.

И. ЗАСЕДА

Конвейер цифровых молний

Спору нет, высочайшая точность японского приборостроения вызывает уважение во всем мире. Но когда на киевский завод «Точэлектроприбор» поступил заказ из Страны восходящего солнца, здесь не удивились: сложнейшие приборы уходят отсюда во многие страны мира и везде пользуются заслуженным успехом.

Корреспондент «Огонька» обратился к директору завода Петру Андреевичу Шило:

— Скажите, пожалуйста, какие новые приборы сошли с конвейера завода?

— Если рассказать о всех и подробно, то, пожалуй, целого номера журнала будет маловато,— улыбается Петр Андреевич.— За семилетку на предприятии было выпущено более ста типов приборов. С каждым из них связана целая история поисков, неудач, побед. Шутка ли, полностью обновить номенклатуру изделий! Если говорить о каком-то одном, то стоит упомянуть интереснейший комплект устройств, отправленный на Новолипецкий металлургический комбинат. Представьте себе рольганг, по которому со скоростью 30 километров в час движется полоса металла. Наши мастера создали устройство, на ходу определяющее качество электротехнической стали и автоматически производящее маркировку. Большое будущее у серии наших электронных цифровых приборов, действующих с огромной скоростью, почти молниеносно, и с точностью поистине фантастической. Они спроектированы нашими специалистами.

— А если заглянуть немного в будущее?

— Как и любой советский завод, мы готовимся достойно встретить XXIII съезд партии. Часть обязательств мы уже перевыполнили. К открытию съезда мы разрабатываем новый автоматический цифровой частотомер, не уступающий лучшим зарубежным образцам.

КИЕВ • МИНСК • КИЕВ • МИНСК • КИЕВ

«Белазовские» богатыри.
Фото Н. Привалова.

Крейсеры трудных дорог

Даже в солидном ряду автомобилей, выстроившихся на Выставке достижений народного хозяйства, эти машины заметно выделялись богатырским сложением, какой-то особой, могучей статью. И при всем том своеобразным изяществом, что нередко сопутствует целесообразности, экономичности и современности.

Это белорусские автомобили. Одни вышли из ворот Минского завода; другие, вот эти 27-, 40- и 65-тонные гиганты, сошли со стапелей Жодинского завода — он неподалеку от белорусской столицы.

Можно долго любоваться машинами — и колесами двухметровой высоты, и расположенной на втором этаже кабиной, и гигантским кузовом, могущим вместить такой груз, что не во всяком железнодорожном вагоне разместишь. Конечно, такому автомобилю нечего делать в городе. Но вот на крупном открытом горном карьере, при строительстве в скалах едва ли сыщется конкурент машине, которая может везти груз и тяжелый и крупный. Самый младший в семействе «белазов» — 27-тонный грузовик! А у самой пока крупной машины, могущей везти 65 тонн, два агрегата. Один из них электрический, с питанием от контактной сети, как у троллейбуса.

Но если «белазовские» крепыши предназначены преимущественно для рудников и карьеров, то их минские собратья приспособлены для дальних перевозок. Одну из таких машин, «МАЗ-500» с прицепом, летом видели на дорогах европейских стран: автомобиль участвовал в длительном пробеге. И достойно зарекомендовал себя тогда. Есть у этого «МАЗа» одна интересная конструктивная особенность: мотор расположен под кабиной. Как к нему подобраться? Очень просто. Нажал рычаг, и кабина плавно откидывается, открывая свободный доступ к каждому винтику на двигателе. Облегчены регулировка мотора, все ремонтные работы. В кабине удобное водительское кресло, великолепный отопитель и вентилятор, что очень важно для дальних дорог. У автопоезда «МАЗа» весьма солидная грузоподъемность — более 17 тонн.

К. КОСТИН

НАПИСАНО 60 ЛЕТ НАЗАД

«...Вы, конечно, уже знаете о смертном приговоре. Но я спокоен и бодр, и если бы имел две жизни, то, не раздумывая, тоже отдал бы их за светлое будущее...»

Это строчки из письма, написанного шестьдесят лет назад, а найденного совсем недавно. Его автор — Иван Пулихов, ученик реального училища, казненный по приговору военно-полевого суда в 1906 году за покушение на губернатора П. Курлова — виновника расстрела мирной демонстрации на привокзальной площади в Минске 18 октября 1905 года.

Минск хранит память об Иване Петровиче Пулихове. Его именем названа одна из улиц города. Местные краеведы продолжают собирать материал о земляке-герое. Они узнали, что брат и сестра Ивана — Павел Петрович и Варвара Петровна — погибли от рук фашистских оккупантов, а племянники — офицер Советской Армии Валентин и партизан Николай — пали в боях с гитлеровцами.

Е. САДОВСКИЙ,
сотрудник газеты «Советская Белоруссия»

Впереди завал!

Фото А. Бурименко.

АВТОГРАФ ПОДЗЕМЕЛЬЯ

Один за другим уходим во мрак. Вспыхивают фонарики. По обе стороны галереи чернеют десятки провалов. Направляю в один из них луч фонарика: скелет человека. Та же картина в других нишах. Целое подземное кладбище...

Так встретили нас древние Зверинецкие пещеры.

По преданиям, в этих подземельях киевляне прятались от врагов. Половцы не могли ворваться сюда и потому завалили входы... Мы думали, что сотни лет сюда никто не спускался, и вдруг в одном из ходов наткнулись на тарелку. Вполне современную, только разбитую. Как она здесь очутилась?

Оказывается, во время оккупации Киева гитлеровцами район, где находятся древние подземелья, был объявлен запретной зоной. Жителям предложили срочно выехать за его пределы. Тогда-то большая группа киевлян ушла в пещеры.

Экспедиция в Зверинецкие пещеры — один из эпизодов работы группы энтузиастов, исследующих киевские катакомбы. В нее вошли археологи, зоологи, спелеологи, журналисты.

Исследователи катакомб заинтересовались загадочными пещерами древнего Выдубецкого монастыря, находящегося на территории Центрального ботанического сада Академии наук УССР. До последнего времени никто не знал, как попасть в эти подземелья. И вот недавно одна из сотрудниц ботанического сада показала нам провал, который, по ее словам, образовался несколько месяцев назад.

Галерея, куда мы спустились, к сожалению, заканчивалась тупиком, а путь в другую сторону преграждал завал. И тем не менее именно тут нас ожидала неожиданность. На стене подземелья мы обнаружили надпись: «Юрий Колп... 1941». Тут же нашли соломенную подстилку. Вероятно, неизвестный нам пока Юрий провел тут не один день, прятался в подземелье от гитлеровцев. Но как он проник в пещеру? Наконец, куда ведет этот ход? Пока ответов на эти вопросы нет. Может быть, их дадут следующие экспедиции?

Д. КИЯНСКИЙ,
сотрудник газеты «Вечерний Киев»

ВОДОПРОВОД В РУЛОНЕ

Как часто мы слышим в магазине просьбу:

— Заверните!

В бумагу заворачивают разные покупки: книгу, костюм, керамику... Разумеется, не все нуждается в подобной упаковке. Например, никто, пожалуй, не будет настаивать, чтобы завернули десяток метров труб. А между тем, оказывается, и трубы — десятки метров — отныне можно и нужно заворачивать и, взяв все это под мышку, без труда нести.

Такие трубы создали киевские ученые А. В. Щербаков и В. И. Обвинцев. Когда они приехали в один из украинских колхозов, то вызвали всеобщий переполох. Сбежались изумленные доярки, механизаторы. А киевляне, на удивление собравшимся, раскрутили мягкий и эластичный трубопровод.

Все было просто. Вдоль дна траншеи прокопали канавку, куда высыпали песчано-цементную смесь, потом уложили трубопровод, наполнили его водой, покрыли все тем же песчано-цементным раствором. Оболочка вокруг пленки затвердела, и траншею засыпали. На ферму пошла вода.

Вот уже больше двадцати месяцев бесперебойно действует этот необычный водопровод. Исследования показывают: подобные устройства будут служить не менее 25 лет. А главное — и об этом уже свидетельствует практика — такие трубы очень экономичны, дешевле стальных и полиэтиленовых в несколько раз.

Н. ВАРВАРЦЕВ,
заведующий отделом информации газеты «Вечерний Киев»

Ионокрафт — летающее сито

Пока еще трудно сказать, какую роль сыграет этот летающий аппарат в жизни будущих поколений. Ионокрафт — сейчас лишь действующая модель.

Полет с помощью ионов — так расшифровывается слово «ионокрафт». С его свойствами знакомит нас доктор технических наук, профессор Киевского института гражданской авиации А. Мхитарян.

— Летающее сито создано сотрудниками и студентами кафедры аэродинамики и представляет собой легкую деревянную раму, переплетенную тонкой медной проволокой. В отличие от обычного сита оно имеет еще второе, верхнее дно.

После команды «пуск» это устройство на наших глазах вдруг поднималось над стойкой и застывало в воздухе.

— Ничего удивительного в этом явлении нет, — говорит Мхитарян. — Модель начинает полет, когда к ней подводится ток высокого напряжения. Тяга создается движением ионов, которые, возникнув у электродов верхней (положительной) части установки, с большой скоростью движутся к ее дну. При этом возникает реактивная струя, поднимающая конструкцию в воздух.

Еще К. Э. Циолковский в своей работе «Исследование мировых пространств реактивными приборами» писал, что в будущем ионный эффект будет использован для получения реактивной тяги. Откуда же поступит энергия для будущего ионокрафта? Предполагается оснастить аппарат собственной электросиловой установкой или посылать энергию с наземных станций с помощью лучей лазера. Еще более надежным источником может служить малогабаритный реактор «Ромашка».

Ученые предполагают, что летающее сито можно будет использовать для грузопассажирских перевозок, а также в качестве теле- и радиоретрансляций.

К. БЕЛИМЕНКО

МИНСК • КИЕВ • МИНСК

О мужестве и верности

Из Москвы пришло письмо. Подпись: Конев. Прославленный маршал от имени Центрального штаба всесоюзного похода комсомольцев и молодежи по дорогам боевой славы благодарит коллектив Белорусской киностудии хроникально-документальных фильмов за картину «Дорогой отцов», посвященную всесоюзному слету участников похода в Бресте. Минским кинодокументалистам эта похвала особенно приятна, потому что тема патриотизма — одна из главных в их творчестве. И когда они говорят о своих предсъездовских работах, то в первую очередь называют фильмы о мужестве и верности защитников Отечества, о высоком долге гражданина перед Родиной. Вот некоторые из этих фильмов: «Дорога без привала», «Баллада о матери», «День великой победы», «Солдатские будни». Наконец, «Домик в Минске» — кинорассказ о музее Первого съезда РСДРП.

А пока эти кинофильмы получают путевку на большой экран, коллектив студии создает новые: «Пятое поколение», «Крепость-герой», «Ровесники победы», «Улица бессмертных».

Д. ЖУКОВ

На снимке: кадр из фильма «Дорога без привала».

УСМИРЕНИЕ МОЛОЧНОЙ РЕКИ

Всякая река начинается с ручейка. Молочная тоже. Когда пустили Минский молочный завод № 2, поток молока был 15—20 тонн в сутки. Дальше — больше. Отлаживалось оборудование, совершенствовались навыки, крепло чувство локтя у коллектива. Рос поток: 50 тонн, 70, 100, 130, наконец, 150. Сто пятьдесят тонн — это настоящая река! На ее пути вооруженные современной техникой и знаниями люди поставили холодильники, аппараты для пастеризации, автоматы для розлива. Пройдя где быстро, где медленно весь этот путь, река успокаивается в бутылках, чтоб вскоре отправиться в магазины либо с зеленой эмблемой кефира, либо с фиолетовой — сливок, либо с полосатой — ряженки.

...Только что вошедший в строй Минский молочный завод № 2 — самое крупное предприятие такого рода в Белоруссии. Достаточно сказать, что тут установлено более трех с половиной тысяч различных автоматов.

А. ДАНИЛОВ

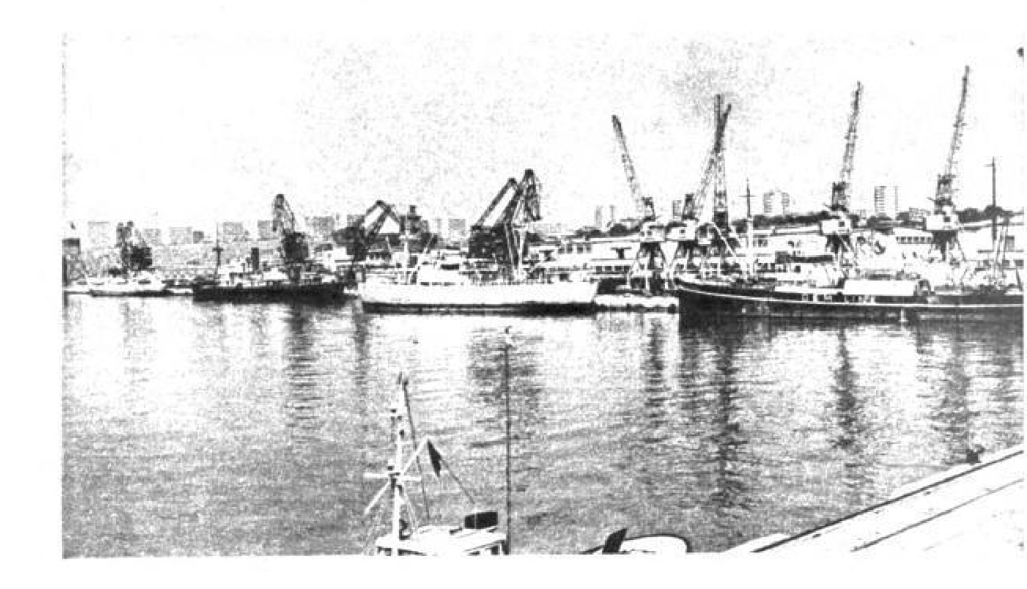
На снимке: в одном из цехов молочного завода.

Фото Б. Кузьмина.

КЛИМЕНТ ЕФРЕМОВИЧ ВОРОШИЛОВ. К 85-летию со дня рождения.

ИСПОЛНИЛАСЬ 18-Я ГОДОВЩИНА подписания Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Советским Союзом и Румынией. За эти годы успешно развивались экономические и культурные связи. Экономика социалистической Румынии с каждым годом делала все более значительные успехи. Об этом, в частности, можно судить и по грузообороту морского порта Констанца, который в 1965 году по сравнению с 1959 годом увеличился почти в четыре раза. В прошедшем году к причалам порта швартовалось 17 тысяч кораблей, прежде всего суда стран социалистического лагеря.

На снимке: трудовое утро в порту Констанца.

Фото Аджерпресс.

●

ПО ПРИГЛАШЕНИЮ СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА нашу страну посетил с официальным визитом Премьер-Министр Афганистана Мухаммед Хашим Мейвандваль.

1 февраля глава афганского правительства нанес в Кремле визиты Председателю Совета Министров СССР А. Н. Косыгину и Председателю Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорному. Во время этих визитов состоялись теплые, дружественные беседы.

Визит Мухаммеда Хашима Мейвандваля в Советский Союз — новое яркое свидетельство упрочения советско-афганского сотрудничества.

На снимке: беседа А. Н. Косыгина с Премьер-Министром Афганистана.

Фото А. Гостева.

●

ТАШКЕНТСКАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ — В ДЕЙСТВИИ! Как это было предусмотрено, индийские и пакистанские вооруженные силы завершили первую фазу отвода войск точно в намеченный срок. Переговоры, касающиеся этого пункта Ташкентской декларации, проходили в Дели. На снимке вы видите министра обороны Индии Я. Б. Чавана, беседующего с командующим пакистанской армией генералом М. Муса. В беседе принимал участие начальник штаба индийской армии генерал Д. Чоудхури.

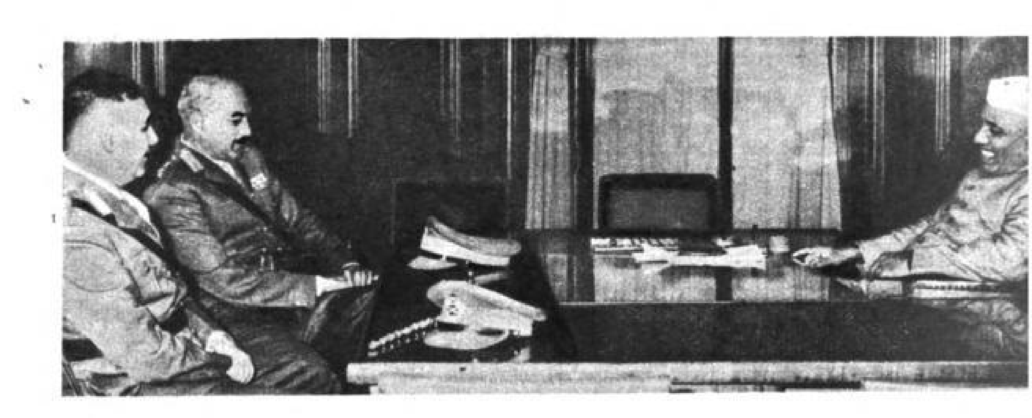

Фото ЮПИ.

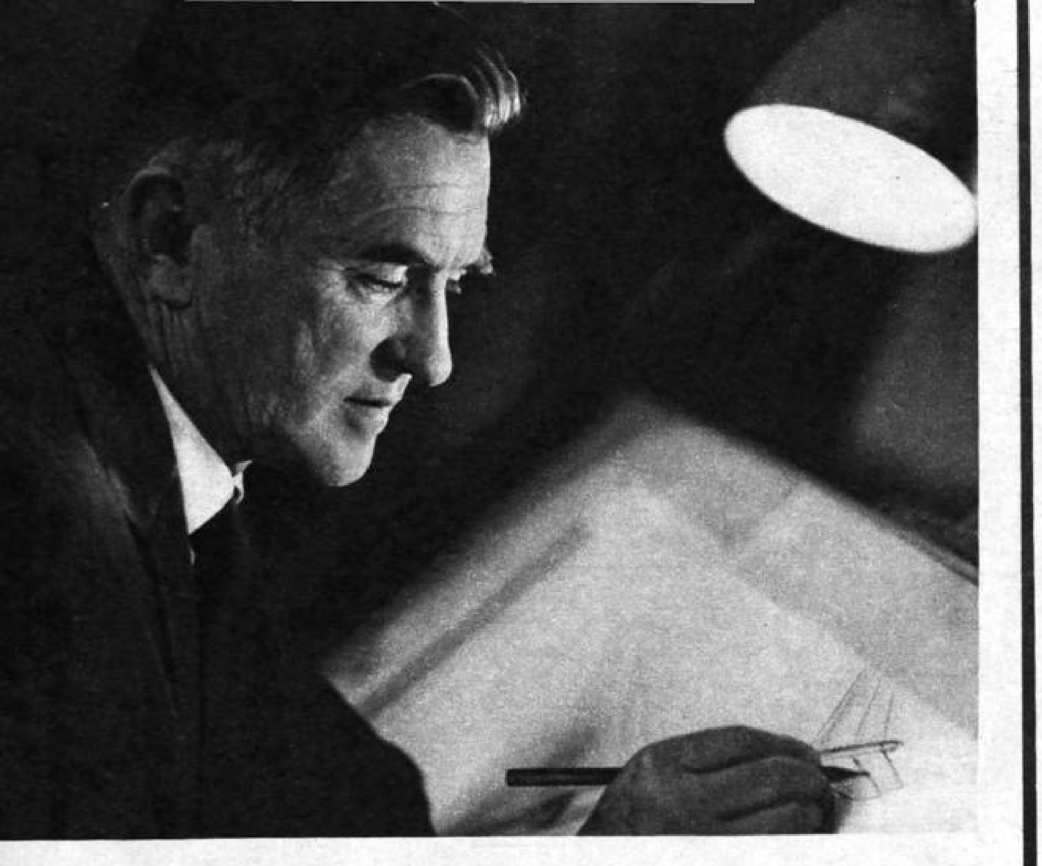
●

ЗАКОНЧИЛСЯ XIV СЪЕЗД Коммунистической партии Финляндии. В его работе приняли участие более трехсот делегатов. С отчетным докладом на съезде выступил генеральный секретарь КПФ товарищ Вилле Песси. Со словами приветствий к финским коммунистам обратились посланцы братских партий ряда европейских стран. Исключительно тепло была встречена собравшимися делегация КПСС во главе с кандидатом в члены Президиума ЦК КПСС В. В. Гришиным, который зачитал приветствие ЦК КПСС XIV съезду Коммунистической партии Финляндии.

На снимке: в зале заседаний съезда.

Телефото Хувудстатсбладет — ТАСС.

КРЫЛЬЯ КОНСТРУКТОРА

Когда пишешь об Олеге Константиновиче Антонове, этот заголовок следует понимать и в буквальном смысле. Среди его постоянных увлечений — живопись, журналистика, лыжи, теннис — едва ли не самая давняя страсть — планеризм. На заре своей конструкторской юности, лет сорок с лишним назад, он в первый раз испытал неповторимую радость бесшумного парения в поднебесье на самодельном планере. Миновали годы, а увлечение сохранилось. Антонов и сейчас частенько садится в пилотскую кабину планера.

Однажды я спросил Олега Константиновича: «Каким, по вашему мнению, должен быть авиационный конструктор в наш космический век?» Он ответил, хитро прищурив глаза: «Человеком, обладающим фантазией, основанной на реальности, и реализмом, одухотворенным фантазией. Думаю, этого вполне достаточно, чтобы конструировать современные самолеты».

«Антей», вызвавший сенсацию летом прошлого года на парижском аэродроме Бурже, мог появиться на свет только у людей, сдружившихся со смелой мечтой.

Мне посчастливилось лететь на «Антее» из Москвы в Киев, когда он возвращался с парижской выставки домой. Командир корабля Юрий Курлин, испытавший не одну антоновскую машину, разрешил мне занять место в кабине экипажа. Мощный разбег лайнера был короток. Машина легко оторвалась с полевой площадки и словно бы застыла в воздухе. Я ждал, но оно не появилось, знакомое ощущение перегрузок, когда реактивный самолет быстро набирает высоту. В огромном отсеке, вполне подходящем для состязаний баскетболистов, были удобно размещены грузы. Железнодорожники назвали бы их крупногабаритными: на обыкновенной платформе такие многометровые пролеты мостов, длинные балки не умещаются.

Отнюдь не все машины О. Антонова легко и сразу получали признание. Маленькая семиместная «Пчелка» — «АН-14» — выпорхнула из конструкторского бюро несколько лет назад. Сколько добрых слов было сказано об этом нужном самолете! Но только в начале наступившего года пчелиный рой «АНов-14» начал разлетаться по стране. Юркие, непритязательные, легко управляемые, они скорее похожи на неутомимых прыгунов-кузнечиков. «Пчелка» способна приземлиться где угодно: на вспаханном поле, лесной поляне, в огороде, на рыхлой снежной площадке. А ведь были у крылатого вездехода не только сторонники...

Долго получал небесную прописку и один из первых турбовинтовых отечественных лайнеров — «АН-10». Совсем недавно в Ростовском аэропорту в салон «десятки» поднялся бухгалтер из Азовского района Петр Шульга — неожиданно для себя он стал юбилейным, десятимиллионным пассажиром лайнеров «АН-10». Генеральный конструктор прислал юбиляру памятные подарки.

Семейство «АНов» ныне достаточно многочисленно. И генеральному конструктору по-своему дорого каждое его творение. Но, конечно, самый глубокий след в его душе оставил «Антей», исполин, ставший фаворитом крылатой компании.

Антонов убежден, что наиболее экономичной и выгодной в эксплуатации будет грузо-пассажирский «Антей». Генеральный конструктор называет его аэробусом.

Первый этаж корабля примет 50 тонн груза, а на верхней палубе в уютных салонах займут места 300 путешественников. Им не придется заранее приобретать в кассе билеты, хлопотать с багажом. Все это можно оформить на борту корабля. В полете один из членов экипажа покажет пассажирам художественный или документальный фильм. С борта самолета можно будет отправить радиограммы.

...Тихая улица. Дремлет в тишине молодой сад, утонувший в снегу. Его закладывал сам Антонов. А коттедж ярко светится всеми окнами. Кстати, сам хозяин принимал участие в его проектировании. Олег Константинович приглашает меня в свой рабочий кабинет. Большая комната с теннисным столом посередине. На верстаке — слесарные тиски, инструмент. У мольберта с недоконченным зимним пейзажем лежат тюбики с краской. Рядом — пишущая машинка с только что вложенной страничкой новой рукописи. Недавно вышла в свет еще одна книга О. Антонова — «Для всех и для себя». Это плод его раздумий об экономике и планировании. Книга вызвала споры, отклики читателей.

За стеной послышалось всхлипывание ребенка.

— Это «АН-65» проснулся,— смеется Антонов.— В прошлом году у меня родился сын Андрей.

И право же, просто не верится, что этому деятельному, задорному человеку завтра исполнится шестьдесят лет.

Леонид ГАЛИНСКИЙ

Фото Н. Козловского.

КОМСОМОЛЬЦЫ — ОТЦЫ КОМСОМОЛЬЦЕВ

В. МЕЛЕНТЬЕВ

Мой город — Иваново, город революционных, боевых и трудовых традиций. Один из первых в России Советов. Чапаевские полки. Дивизии добровольцев на фронтах Отечественной войны. Неувядаемая слава текстильного цеха страны...

Кем и как поддерживаются традиции? Беседами? Названиями улиц и площадей? Именами борцов за рабочее дело на фронтонах фабрик и заводов? Или биографиями, судьбами людей, о которых мы рассказываем.

Фото А. УЗЛЯНА.

СЕМЕЙНАЯ ЯЧЕЙКА

Бригада коммунистического труда Андрея Ивановича Сошникова работает в специальном конструкторском бюро красильно-отделочного оборудования текстильной промышленности. Слесари-сборщики, как повивальные бабки, принимают от конструкторов чертежи еще не родившейся машины, получают детали и вдыхают жизнь в груду металла.

Бригада Сошникова хорошая, но кое-что смущает наших местных журналистов — они не пишут о ней. Наверно, потому, что в бригаде процветает семейственность: в ней работают трое сыновей бригадира — Вячеслав, Владимир и Николай. Четвертый, Анатолий,— в соседнем цехе. Все четверо — комсомольцы. И бригадир комсомолец, правда, теперь он уже почетный комсомолец в этой «семейной ячейке». Есть еще две сестры. Они школьницы, тоже комсомолки.

Глава бригады окончил в свое время профессиональное училище в селе Васильевском. А потом, вот уже сорок лет, работа на одном заводе.

Наверно, он очень любит свою профессию, так любит, что все его сыновья поступили, как и старший, Вячеслав: после школы пошли в ученики слесаря. Можно

Семья А. Н. Сошникова.

Такой была В. А. Усольцева в 1930 году.

Профессор В. А. Усольцева.

это назвать семейной традицией, можно — профессиональной, можно — комсомольской. И все будет правильно. Человек воспитал хороших детей, смог привить им качества, которыми обладал когда-то сам. О том, как он это сделал и какие это качества, я узнал, задав всего один вопрос каждому из его сыновей-коллег.

— Самым памятным днем моей жизни,— сказал Слава,— был день 14 декабря 1953 года. Я принес первую получку (за несколько дней работы— 68 рублей) и отдал ее матери. На столе — праздничный обед. Отец встал, вынул часы «Победа» и подарил мне: «Со вступлением в рабочий класс».

— Самый памятный день моей жизни,— отвечал младший, Николай,— тот, когда меня и Владимира приняли в комсомол. В нашем «кухонном клубе», где собирается вся семья, был праздник: расширялась домашняя комсомольская ячейка.

Андрей Сошников. Год 1926-й.

Комсомольские традиции поддерживаются Сошниковыми и в несколько ином плане. Когда призывался старший, Слава, отец посоветовал ему проситься во флот, над которым шефствует комсомол. Слава кончал службу корабельного электрика в Балтийске, когда второй сын Сошникова, Анатолий, прибыл на флот радистом.

— Самым памятным днем моей жизни,— говорит он,— был день, когда пришел в боевую радиорубку. Столько приборов, ручек, тумблеров! Думал, никогда не справлюсь. Ничего. Освоился. Награжден значком «Отличник ВМФ». Отцу присылали благодарности.

— А мой самый памятный день,— говорит Владимир,— день первого самостоятельного вылета. Это такая радость, что понять ее может только тот, кто сам пережил такое.

Вот какие это парни, с разными увлечениями и интересами, но чем-то похожие на своего отца, комсомольца двадцатых годов.

В дни, когда пишутся эти строки, глава семьи пребывает в Нарофоминске — ладит новейшую машину для отделки тканей типа «болонья». Вячеслав уехал в Вологду — отлаживает машину для отделки несминаемых льняных тканей. Николай и Владимир готовятся к командировке — повезут новые машины заказчикам.

БАЛЛАДА О СЛАВЕ

Приехав в свой первый послевоенный отпуск, я пошел с друзьями и женой в театр. На трамвайной остановке меня подтолкнули, глазами показали на молодую, интересную женщину и шепнули:

— Жена Усольцева.

Признаюсь, я посмотрел на женщину внимательно: интересно, как она несет бремя такой славы? Кто у нас не знал Василия Усольцева, пришедшего из комсомольской самодеятельности на подмостки профессионального театра! Голос, внешность, умение держать себя. Цветы у рампы. А после спектакля у служебного входа — толпы поклонниц.

И вот — жена Усольцева. Тогда была она молодым инженером-химиком, преподавала в вузе. Потом родилась дочь Надежда. Забот прибавилось. Маме к восьми в институт, а папа после спектакля приходит в первом часу. Мама сидит на кухне, готовится к лекциям и стряпает ужин папе. Подруга удивлялась:

— Почему вам не взять домработницу? Ведь вы оба хорошо зарабатываете.

— Ты можешь себе представить, чтобы мы, бывшие комсомольцы, имели прислугу? Может, это неразумно, но...

И любимец публики, костюмы которого, прическа и жесты были законом для ивановских модников, в полдень пеленал дочь и через весь город торжественно нес в институт, чтобы жена могла покормить девочку.

Потом родилась вторая дочь, Вера, и стало еще труднее. Мама писала кандидатскую диссертацию, папа из театра перешел в филармонию и много ездил. Потом папа стал директором театра, а мама начала готовить докторскую диссертацию и без конца ссорилась с дочерьми — они отлично управлялись с хозяйством, но не хотели учиться музыке. Как раз в эти дни, поздоровавшись на улице с Василием Михайловичем, я услышал случайно оброненную кем-то фразу:

— Это муж Усольцевой.

Можно было только усмехнуться и посетовать на изменчивый характер капризной славы. Но, с другой стороны, кто же теперь дочь сельского учителя, Валентина Алексеевна Усольцева? Она профессор, заведующая кафедрой биохимии медицинского института, доктор химических наук, председатель нескольких научных обществ, член Советского комитета защиты мира, председатель об-

ластного его отделения. Она и сама ведет большие и сложные научные исследования и руководит одиннадцатью кандидатскими и одной докторской диссертациями.

Но вот буквально на днях, поклонившись Валентине Алексеевне на улице, я вдруг услышал шепот:

— Видишь, видишь... Вот это и есть мать Усольцевой.

Шептались подростки с портфелями. Значит, слава пошла дальше, к новому поколению. Но почему, по какому праву? А когда я узнал все, не удивился. Надежда Усольцева, студентка четвертого курса мединститута, по поручению обкома комсомола долгое время была лектором и деканом университета старшеклассников. Правда, недавно ее освободили от работы. Даже не по собственному желанию. Просто избрали заместителем секретаря институтского комитета и по-товарищески учли, что Надя не только староста студенческого научного кружка, где ведет свою, говорят, перспективную научную работу, но еще и опора агитбригады — ведь недаром же она училась и учится музыке...

Младшая Усольцева, Вера, совсем недавно стала комсомолкой, она школьница, забот у нее пока немного — всего лишь помогает отстающим в своем девятом классе, ну и еще... разные поручения. Я смотрю на нее и думаю, что через несколько лет я, быть может, услышу на улице чей-нибудь шепот вслед старшей сестре:

— А вон пошла сестра Усольцевой.

АРСЕНИЙ

Если бы не задание редакции, я бы не написал о директоре 58-й школы Арсении Федоровиче Рыскине. Мешала одна, в общем-то, банальная история.

Учился в этой школе мальчишка. Сначала все шло неплохо, но потом начал сдавать. Тройки. Потом двойки. Сигареты. Вызывающая грубость. Наконец, директор застал парня в момент, когда он со своими товарищами, сбежав с урока, курил в уборной. Рыскин исключил его из школы. Только его одного, а всех остальных, таких же шалопаев, не исключил. Правда, через некоторое время парня восстановили. И вскоре после этого он вдруг попросил у отца рекомендацию для вступления в комсомол. Отец подумал и отказал.

— Во-первых, ты недорос до комсомола, а во-вторых, близкие родственники не имеют права давать рекомендации.

Каково же было семейное удивление, когда сияющий сын пришел из райкома с новеньким комсомольским билетом. Папа мрачно осведомился:

— Кто тебе дал рекомендацию?

— Как кто? Арсений!— Парень смутился и поправился:— Арсений Федорович. Наш директор.

И хотя изложенные события, как говорится, быльем поросли, конфликты стерлись, и все идет благополучно, я часто думаю об этой истории. И не могу не думать: ведь она произошла с моим сыном.

Педагогический прием, который применил директор, не нов: сильный психологический удар, развенчание дутой славы, а потом — честное доверие, поддержка. Ему, воспитаннику детдома, секретарю комитета комсомола Академии коммунистического воспитания имени Н. К. Крупской, офицеру-фронтовику, человеку с более чем четвертьвековым педагогическим стажем, этот прием был, конечно, не в новинку.

Но как часто все мы, отлично овладев теорией и приемами, пасуем там, где дело касается наших детей. Может быть, то же самое было и у самого Арсения Федоровича?

Старший сын Рыскина, Борис, окончил десятилетку и ничего, кроме летного училища, не признавал. Его поддерживала и мать, Мария Спиридоновна, комсомолка с двадцать четвертого года, всю жизнь проработавшая ткачихой. Бориса подвело повышенное давление. В те дни крушения мечты отец мог бы помочь сыну устроиться в любой из шести городских институтов. Но отец не сделал этого.

— Знаешь, Борис, призвание не получают по блату, мечту не продают. Ты мечтал быть летчиком и, значит, иметь дело с сотнями приборов. Начни с них, а там, может быть, наладится здоровье.

Борис окончил приборостроительное отделение техникума, уехал в Ленинград и стал кораблестроителем: учился в вечернем институте.

Точно такая же история со вторым сыном, Виктором. Десятилетка, мечта быть офицером, стена медкомиссии. Он хорошо учился, Виктор. Он мог идти в институт, но он, как родители, как старший брат, был верен мечте и не спешил расставаться с ней. Виктор пошел в техникум. Сейчас он техник-механик, комсорг цеха.

— Говорю ему: пора подумать и об институте,— грустно усмехается Рыскин.— Ведь каждый сын, каждая дочь просто обязаны перерасти родителей, стать умнее их, мужественней, смелее,— именно в этом смысл жизни! Дети обязаны двигаться вперед быстрее. Но Виктор еще молчит: он ищет свое...

Мы много говорим о мужестве. А может быть, вот такое отцовское мужество, мужество воспитателя, ценнее всего? Быть жестоким, формально несправедливым ради счастья человека и в то же время верить ему, верить даже тогда, когда на душе скребут кошки.

Иногда у нас на квартире собирается молодежь — бывшие соученики сына. Здесь еще много бестолковщины, жарких и не всегда понятных споров. И все кончается чьим-нибудь возгласом: «Ладно, зайдем к Арсению! Решим вопросик».

Кто он им, Арсений Федорович Рыскин? Да никто. Просто Арсений, директор, завидно продливший комсомольскую юность и потому понятный и близкий.

* * *

Так и идет жизнь в Октябрьском районе нашего города, районе, где родились первые в мире Советы.

Арсений Рыскин. Год 1927-й.

Комсомольцы Рыскины.

ПУТЬ НАЧИНАЕТСЯ С ЯРМАРКИ

На цветных снимках нашего фотокорреспондента М. САВИНА девушки с Минского камвольного комбината. Дела тут идут хорошо, и настроение у работниц приподнятое. А о делах комбината рассказывает наш собственный корреспондент по Белоруссии А. ЩЕРБАКОВ.

Ярмарки. Они всегда были праздниками, и возвращались оттуда обязательно с обновками. Теперь у ярмарок иной колорит, но Московская торговая ярмарка 1964 года стала для минских камвольщиков тоже своеобразным праздником.

— Нас очень порадовала эта ярмарка,— говорит Валентина Алексеевна Семынина, главный экономист Минского камвольного комбината.— Именно там, можно сказать, начался новый этап нашей работы. Там мы заключили прямые договоры о поставке тканей магазинам и швейным фабрикам. Так ушла в прошлое казенщина в планировании, которая долго мучила и нас и, главное, тех, для кого мы делаем ткани. Ведь что получалось: дают нам план, мы его выполняем, гоним, скажем, бостон, но в магазинах, ателье спрашивают недорогие модные шерстяные ткани с лавсаном, а бостон не берут. И лежит он на складах. И государство, и предприятие, и люди в убытке.

На 1 января прошлого года комбинат имел восемнадцатидневный запас нереализованных тканей — почти вдвое больше нормы. И вот ярмарка — и все иначе: торговые работники, швейники знают спрос, от него и танцуют. А мы, исходя из их заявок, верстали план на 1965 год. Сразу скажу: перестраиваться трудновато, шутка ли — тысячу станков, как мы говорим, перезаправить. Но овчинка выделки стоит. Ткани прошли без задержки к октябрю, даже нормативных запасов не осталось. Ярмарка 1965 года окончательно подтвердила, что прямые договоры — наилучший в наших условиях вариант. Знаете, как вырос спрос на ткани? В этом году нам заказали на 1 миллион 700 тысяч метров больше, чем в прошлом.

Нам кажется очень важным, чтобы смежные предприятия, поставляющие сырье, красители, тоже, и как можно быстрее, изменили принципы контактов с текстильщиками.

— А выигрыш комбината ощутим?

— Еще бы! — Валентина Алексеевна, как и подобает экономисту, пускает в ход основное оружие — цифры. — Во-первых, изменился принцип отчислений в фонд предприятия: вместо 2 процентов от плановой прибыли 4 процента от фактической. В 1964 году в фонд поступило 349 тысяч рублей, а в 1965-м — 450 тысяч. Кроме того, в отличие от прежних лет инженерно-технические работники стали ежемесячно получать прогрессивку. Все это стимулирует творчество, поиски, инициативу. Заметно улучшилось качество тканей. А что касается ассортимента, то на последней ярмарке мы предложили 10 новых образцов, и все они получили одобрение.

Минский камвольный комбинат. Секретарь комитета комсомола тростильного цеха Дина Майорова с молодыми работницами.

Художники-конструкторы тканей Раиса Камлюк и Вера Гришина.

Фото М. САВИНА.

Кадры из мультипликационного фильма «Чьи в лесу шишки!».

С восторгом постигают эту немудреную истину ребята, для которых и сделан по сценарию А. Кумма и С. Рунге режиссерами М. Каменецким и И. Уфимцевым мультипликационный фильм «Чьи в лесу шишки?». Но, представьте себе, и вы, вполне взрослые, почтенные люди, будете смотреть новую детскую картину с удовольствием. Порукой тому — ее веселый юмор, отсутствие назидательности в рассказе о жизни лесных зверушек.

Поначалу эти зверушки — Лягушонок и Белка, Заяц и Еж — жили очень хорошо: они знали, что все в лесу — шишки и орешки, грибы и ягоды — принадлежит всем. Ну и, конечно, им не понравились порядки, установленные Волком. А Волк — поди-ка попробуй его ослушаться, вон какая у него огромная, жадная пасть, какие острые зубы, сильные лапы, как он в себе уверен. Да разве можно возражать ему!.. А тут еще многое портила бессовестная Лиса, которая потихоньку помогала Волку, подслуживаясь к нему... Но однажды зверушки

ШИШКИ В ЛЕСУ — ОБЩИЕ!

собрались все вместе и придумали, как перехитрить и лукавую Лису и ненасытного Волка...

Не отрываясь от экрана, дети следят за каждым движением смешных героев. Художник фильма В. Дегтярев показывает их пластичными, выразительными. У всякой зверушки свои повадки, свой характер. Опытным мультипликаторам-кукловодам В. Пузанову и П. Петрову помогают в этом актеры, озвучивавшие картину.

Многие взрослые зрители, услышав речь Волка, с первых же слов угадывают, что Волк — это Анатолий Папанов: голос известного актера, особенная манера говорить придают персонажу живую убедительность... А общий любимец — комичный тонконогий Лягушонок — получает свои звонкие, задиристые интонации от актрисы Марии Виноградовой: она сыграла уже множество таких вот «голосовых» ролей... Зайку играет в новом фильме Юлия Юльская, Лису — Клара Румянова, Белку — Валентина Туманова, Ежа — Роза Макагонова.

Ребята, посмотрев картину, наверняка захотят поглядеть ее еще и еще раз. И почему бы телевидению сразу не откликаться на такие детские просьбы?.. Конечно, в телевизионной передаче фильм «Чьи в лесу шишки?» утратит свое большое богатство — превосходный цвет. Но у него, как вы сами увидите, останется еще много других достоинств.

Н. ЖЕЛЕЗНЯКОВА

То, что не забывается

Петрусь **БРОВКА**

* * *

Я прошу тебя, искусство:
Если впрямь всесильно ты,
Возроди былое чувство
Юношеской чистоты.

По исхоженной дороге
Разреши пройти опять:
Я теперь ошибок многих
Смог бы, верно, избежать.

Я теперь мудрей и строже,
Но ищу свой прежний след
И найти мечтаю схожесть
С тем, что помню с давних лет.

Может, в девушке вот этой
Повторяются черты
Той, которой до рассвета
Поверял свои мечты?

А ромашка молодая —
Внучка той, чьи лепестки,
О любви своей гадая,
Обрывал я у реки?

Может, вот из этой хаты,
Где меня устали ждать,
Мне навстречу, как когда-то,
На крылечко выйдет мать?

Нет, напрасно я тревожу
Дни былые, давний след.
Небо то же, солнце то же,
Но того, что было, нет.

Бесполезно тратить время,
Повторяя прежний путь.
Ни сонету, ни поэме
Прожитое не вернуть.

* * *

Да, ты щедра, земля-планета!
Как назовешь тебя скупой?
Не счесть цветов, былинок, веток,
Что к жизни вызваны тобой.

Закаты летние богаты,
Бескрайни зимние поля.
И все же я скажу: скупа ты,
Ты просто скареда, земля.

Ты плодовита, благодатна,
Неиссякаема, сильна...
Зачем вбираешь ты обратно
Все, все — и мошку и слона?

* * *

Бабье лето мерцает, вьется дым над листвой,
И сквозь эту листву
Я, седой, с побелевшей моей головой,
Словно месяц, плыву.

Ну, чего тосковать? Если жизнь дорога,
Можно жить и таким.
Но нагрянет зима, забелеют снега,
Я растаю, как дым?

Нет, прости, я не то говорю. Я неправ.
Это сон седины...
Я еще похожу средь ветвей, среди трав,
Дотянусь до весны!

* * *

В час, когда домой с работы, с поля дальнего идешь,
Кажется, что день минувший за спиною ты несешь.

Ты идешь тропой знакомой. Вот последний поворот,
Дом под серою соломой, как живой, тебя зовет.

И кувшин кивает с тына обливною головой.
Ты склонился над ведерком, над прохладою живой.

Ничего, что ломит спину, это, право, не беда.
Как вкусна ты, в медной кружке, из колодезя вода!

По щекам стекают струйки, холодят плечо и грудь.
Хорошо тобою руки и лицо ополоснуть!

А потом, утершись свежим, белоснежным рушником,
Есть картошку молодую, запивая молоком!

А ТЫ ИДИ!

Дорог на свете очень много,
Но ты средь них свою найди.
Пусть нелегка твоя дорога,
А ты иди!
А ты иди!

Пускай, тропинки размывая,
Льют непрестанные дожди,
Пускай жарища огневая,
А ты иди!
А ты иди!

Пускай во тьме, во мгле ненастья
Лишь слабый проблеск впереди.
Пускай глаза пургою застит,
А ты иди!
А ты иди!

Пускай! Была бы воля добрая
Да сердце верное в груди!
Пусть камни, грязь, пески, колдобины,
А ты иди!

* * *

Была ты милой и желанной,
А я был молод, влюбчив, лих.
Но ты меня водила за нос,
Как, между прочим, и других.

Но время, жалости не зная,
Бежит стремительно. И что ж?
Теперь, любовь моя былая,
Ты внука за руку ведешь.

Обиды прежние забыты,
А в волосах — седая нить.
И мы с тобой сегодня квиты.
Но юность! Как ее забыть?

Перевел с белорусского Яков **ХЕЛЕМСКИЙ**.

КЛАДЫ ЗАЛИВА ЧЕРНОЙ ПАСТИ

Кара-Богаз-Гол... Мрачно звучит это в переводе с туркменского: «Залив черной пасти».

Этот редкий уголок природы на восточном берегу Каспия знаменит самым необычным в мире водным потоком, который, вытекая из моря, впадает в залив, впадает уже века и не может его наполнить. Отсюда и такое название залива, данное ему в далекие времена туркменскими рыбаками, полагавшими, что огромные массы морской воды, поступающие сюда из моря, исчезают в таинственной черной пасти. Редкие смельчаки решались спуститься из моря в залив по стремительной протоке.

Но ученые развеяли легенду. Они доказали, что морская вода в заливе исчезает вовсе не загадочно, а испаряется под лучами знойного солнца.

Испаряясь, морская вода создает на дне залива огромные напластования ценнейших химических веществ. Залив Кара-Богаз-Гол известен как богатейшая кладовая химического сырья. Тут построен комбинат «Кара-Богаз-сульфат». От причалов промысла в различные порты Каспия пролегли морские пути. По ним непрерывно курсируют суда, груженные дарами Кара-Богаза. Свыше трехсот крупных предприятий страны получают сульфат натрия и другое минеральное сырье промысла.

Каратай АГАЕВ,
сотрудник Ашхабадской студии телевидения

Приемосдатчик Бекдашского порта комсомолка Ляля Лобеленская.

Теплоход «Ахундов» у причала.

ТОЛЬКО ТРИ СЛОВА

Иван Петрович Юровский (слева) и Илья Иванович Белоусов.

Фото М. Колесника.

Перелистывая свою записную книжку, инструктор Славянской районной больницы Илья Иванович Белоусов обратил внимание на небольшую пометку: «с. Комаров, Винницкой, Юровский И. П.».

Напряженно вспоминая, когда и где была сделана эта запись, Илья Иванович вдруг ясно представил себе далекие и ужасные дни, проведенные в фашистском плену. Да, именно в концлагере 312 в Теруни записал он этот адрес.

Под Вязьмой батальонный фельдшер Белоусов был тяжело ранен в живот осколком снаряда. А очнувшись, оказался в плену.

Его отправили в концлагерь Шауляй, а затем в Терунь.

— Здесь нас не считали людьми. Мы были просто номерами. Я, например, № 14446,— рассказывает Белоусов.— Кормили одной вонючей брюквой и то впроголодь. Но, несмотря на все издевательства гитлеровцев, люди в лагере не падали духом и помогали друг другу чем могли.

В августе 1944 года к нам доставили нового военнопленного, лейтенанта Юровского. Шесть дней пролежал он, раненный, на поле боя, силы его были истощены. На счастье, в нашем бараке оказалась врач Елена Петровна Бегельдеева, которая вместе с несколькими фельдшерами ухаживала за вновь прибывшим. Наши усилия не пропали даром: Иван Петрович Юровский поправился. Когда мы расставались после освобождения, он дал мне свой адрес.

Как же сложилась после войны жизнь этого человека? Открытка, посланная Белоусовым своему военному другу, вскоре нашла адресата. А еще через некоторое время Илья Иванович с женой Полиной Пантелеевной, получив отпуск, поехали в гости в Комаров.

...Не сразу оправился Юровский от боевых ран, не сразу нашел в родном селе работу. Стал агрономом в соседней артели имени Мичурина, где через некоторое время его избрали председателем. Много сил отдал Юровский для того, чтобы по-настоящему заинтересовать колхозников, ликвидировать отставание артели.

Прошло несколько лет, и в Жабеливке появились пять новых животноводческих помещений, своя электростанция, были полностью механизированы фермы, а в колхозном клубе начали работать кружки художественной самодеятельности. В общем, колхоз имени Мичурина стал одним из передовых хозяйств в районе. Заслуженную награду получил и его председатель И. П. Юровский: орден Ленина.

Только три года назад Иван Петрович вынужден был из-за болезни уйти на отдых. Но народ по-прежнему тянется к бывшему председателю колхоза. Часто ездят к нему за советом и новый руководитель колхоза Сергей Петрович Гудзишевский и секретарь парторганизации Иван Александрович Лебединский. А в дни празднования 48-й годовщины Октября по решению всех колхозников в Комаров в подарок Юровскому был привезен телевизор «Сигнал».

Вот как сложилась судьба военного друга Ильи Ивановича Белоусова, о котором в старом блокноте было только три слова: «с. Комаров, Винницкой, Юровский И. П.».

Д. МАЮК

Винницкая область.

Пропавший портрет

Декабрист Павел Иванович Пестель был героем войны 1812 года. Девятнадцатилетний прапорщик Литовского гвардейского полка проявил изумительную смелость на Бородинском поле и получил из рук Кутузова золотую шпагу с надписью «За храбрость». В той битве юный прапорщик был тяжело ранен в ногу. Восемь месяцев лечился Пестель в Петербурге. Наконец в мае 1813 года с незакрывшейся раной он отправился в армию, чтобы принять участие в заграничных военных походах. 14 августа двадцатилетний юноша был назначен адъютантом главнокомандующего графа Витгенштейна и получил новую высокую награду — орден св. Анны II степени.

Перед отъездом Павла Пестеля из Петербурга его мать сделала небольшой портрет сына. Елизавета Ивановна, способная художница, высоко образованная и обожавшая своего первенца, постаралась вложить в портрет всю силу и глубину материнской любви. Он выполнен на бумаге тушью, белилами, акварелью. Пестель изображен в профиль. В полных губах, посадке головы, чистой, гордой линии лба чувствуются неискушенность и простодушие молодости, но вместе с тем решительность, сильный характер, светлый ум. Мать оставила на портрете свое факсимиле и дату — 2 мая 1813 года.

В 1928 году советский художник М. М. Успенский сделал копию с изображения Пестеля для Пушкинского дома в Ленинграде; немного позднее художница Е. М. Смирницкая выполнила такую же копию для Государственного исторического музея в Москве. Так в этих двух копиях дошло до наших современников интереснейшее изображение Павла Ивановича Пестеля. В историческом музее бытует версия, что сам оригинал находился в частных руках в Смоленске и пропал во время Великой Отечественной войны.

Н. РАБКИНА,
историк

ЧИТА

В знак дружбы

Девять молодых кубинцев металлургического завода имени Хосе Марти проходили практику на волгоградском заводе «Красный Октябрь». Проведенные ими экзаменационные плавки получили высшие оценки. Перед отъездом будущие сталевары передали заводскому музею маленькую плитку сваренной ими стали.

— Это в знак дружбы наших народов,— сказал руководитель группы молодых кубинцев Мануэль Гонсалес.

Фото А. Игольникова.

РАССКАЗЫВАЮТ...

ТЕЛИ

ЧЕМ НЕ ДЯДЬКА ЧЕРНОМОР

Кто это, вспенив синюю гладь воды, поднимается со дна морского? Неужто сам дядька Черномор? Пожалуй, так. А зовут его Александр Миронович Дяченко.

Около двух метров ростом, богатырского сложения, Александр Миронович обладает недюжинной физической силой.

Первый раз я встретился с ним несколько лет назад в Ильичевском порту. У причала стоял пароход «Макеевка». Александру Мироновичу предстояло осмотреть гребной винт судна.

Кожух сальников оказался погнутым. Дяченко отломил пудовый кусок металла и поднялся с ним на поверхность. Затем, захватив специальный сварочный аппарат, снова спустился под воду, установил новые сальники и заварил кожух.

Когда товарищи сняли с Александра Мироновича металлический шлем скафандра, его лоб и лицо были усеяны капельками пота. Но водолаз добродушно улыбался:

— Теперь все в ажуре.

Свою судьбу с морем Александр Миронович связал в детстве. Он родился под Одессой, в семье рыбака из Сычавки. Еще мальчишкой любил нырять в море с рыбацкого баркаса, знакомиться с подводным царством. А скафандр водолаза впервые надел в 1937 году, когда служил на эсминце «Петровский».

Сколько километров прошел он с тех пор по морскому дну, сколько поднял затонувших кораблей, оброненных с судов грузов, якорей, стальных тросов!

...В 1944 году Одесса предстала перед своими освободителями разрушенной и окровавленной. В развалинах лежал огромный порт.

Не прошло и пяти лет, как порт был поднят из руин. Потрудился для этого и Александр Миронович Дяченко. Это он вместе со своими друзьями очищал акваторию от затонувших барж, восстанавливал волнорез, ремонтировал молы, причалы и другие подводные сооружения.

Пожалуй, вряд ли найдется на дне Одесского залива уголок, незнакомый этому разведчику морских глубин. И все же любой шаг водолаза по морскому дну связан с риском.

Однажды, обследуя дно нефтегавани, Дяченко натолкнулся на какой-то металлический предмет. Он был почти весь засыпан песком. Александр Миронович осторожно разгреб песок, прощупал шершавую поверхность металлического шара. Сомнений быть не могло: это лежала глубинная бомба. Дяченко знал, что где-то поблизости скоро должны стать два танкера. А что если якорь упадет на бомбу?

Решение пришло само собой. Бомбу надо немедленно поднять на-гора́ и уничтожить. Сообщив об опасной находке на водолазный бот, Дяченко начал подводный поединок со смертью. До этого ему уже приходилось обезвреживать не один десяток мин, торпед и бомб. Осторожно, сантиметр за сантиметром, откопал бомбу, завел под нее конец и застопорил. Убедившись, что все в порядке, дал команду «наверх»:

— Вира помалу!

Мужество, мастерство и воля человека одержали победу. Смертоносный груз был поднят на поверхность и обезврежен.

У Дяченко, как у всякого большого и настоящего мастера, много учеников. Некоторые из них уже и сами стали прославленными водолазами. Леонид Бойко когда-то был под началом у Александра Мироновича, в 1946 году они вместе поднимали со дна моря затонувший во время войны пароход «Чичерин». Ныне имя Леонида Бойко известно всей стране. Его спуск в сырую нефть в резиновой водолазной рубахе был настоящим подвигом...

Не так давно я снова встретился с Александром Мироновичем в его маленькой квартире на улице Островидова. Дяченко вернулся из длительной командировки в Николаев. Он с увлечением рассказывал о подводных работах на Буге. Более 100 лет назад, чтобы предотвратить подход турецких военных кораблей к Николаеву, в русле Буга было затоплено около двух десятков восьмиметровых многослойных плотов, засыпанных каменными глыбами. Теперь эти искусственные мели стали серьезным препятствием для судоходства. И вот отряд черноморских водолазов несколько месяцев работал над расчисткой русла. Я спросил Александра Мироновича, сколько часов он пробыл за свою жизнь под водой.

— В 1962 году я отмечал свой юбилей — десять тысяч часов под водой. А за последние годы еще тысяча наберется...

М. РАШКОВЕЦКИЙ,
инженер-диспетчер ильичевского агентства «Трансфлот»

Кино едет!

Из-за поворота выплыл голубой автобус, и вмиг зазвенели переливчатые детские голоса:

— Кино! Кино едет!

Так встречают в Казани необычную машину с надписью на борту «Детский кинотеатр «Малютка». Возраст «Малютки» вполне оправдывает название: ей всего три года. Ее аудитория — все детские сады города. Директор кинотеатра, он же шофер,— Равиль Куриллин.

Малыши довольны. С нетерпением ждут они, когда дядя Равиль впустит их в волшебный автобус, когда в зале потухнет свет и на экране возникнет добродушная фигура дяди Степы — милиционера.

Виктор ЩЕКАЧЕВ

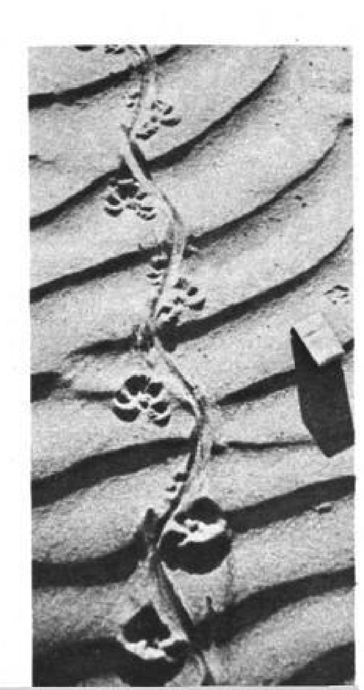
Фото С. Токарева.

ТАИНСТВЕННЫЙ СЛЕД

Шел пятнадцатый год нашей охоты за следами. Сделано больше тысячи рисунков и фотографий следов, прочитаны сотни интересных особенностей и повадок животных. И вдруг встретились на песке эти удивительные цветочки вдоль волнообразного стебелька. Они могли бы озадачить любого следопыта. Кто сделал на песке такие узоры? Видимо, сугубо водный зверь. Плоский и длинный хвост помогает животному только в воде. Большие задние ноги с перепонками между пальцев затрудняют движения по земле.

Идем по следу. Километр, два, шесть. Затейливый узор то пропадал на такырах, то снова появлялся на песке. Нужно торопиться. Через час-два поднимется обычный для Южного Прибалхашья ветер. Он сотрет запись, и загадка в пустыне Сары-Ишикотрау останется неразгаданной.

Только на шестнадцатом километре я нашел совершенно измученную ондатру, которая забилась в тень кустиков саксаула.

Ученые полагают, что ондатра иногда предпринимает удивительные путешествия, переходит из одного озера в другое, преодолевая большие расстояния. След тянулся через пески строго на северо-запад, в направлении к озеру Балхаш.

Непонятно, как находят зверьки дорогу, и как они при этом ориентируются.

А. ЛЕСНЯК,
кандидат биологических наук

Мария ХАЛФИНА

Мачеха

Повесть

Рисунки П. Пинкисевича.

Как-то Павла по дороге с работы остановил директор школы и долго, подробно, с пристрастием расспрашивал о Светке.

А вечером на огонек зашел председатель рабочкома, чего раньше никогда не случалось. Толкуя с Павлом о том о сем, он все время искоса поглядывал на Светку, окаменевшую в своем углу над раскрытой книгой.

Уже два раза приходила Куличиха из женсовета — баба въедливая, бесцеремонная. Пыталась втянуть Светку в разговор, смотрела то на нее — жалостливо и тревожно, то на Шуру — укоризненно, с подозрением. Осмотрела все в Светкином уголке, мимоходом тронула рукой постель, проверила: достаточно ли мягкий матрац скрыт под голубым покрывалом, не кладет ли мачеха сиротку на голые пружины?

Прибегала Полинка Сотникова, шипела в кухне на Шуру:

— Сама ты виновата, хвалишься, как дурочка, перед бабами: «Светка у меня такая трудолюбивая, такая старательная, такая помощница!» Вот теперь в народе и болтают, что она у тебя и за няньку и за горничную...

Было ясно, что не случайно и не мимоходом появляются все эти люди в доме Павла. Что не одних учителей тревожит, почему его Светка не такая, как все дети.

Видимо, что-то неладно в семье Павла Егоровича... Неспроста же восьмилетний ребенок за полгода не смог привыкнуть к семье... Забитого ребенка сразу видно.

Конечно, отец дома находится мало, он и сам многого может не знать, что творится за его спиной... Главная причина, конечно, не в отце...

В воскресенье, после обеда, пришла Людмила Яковлевна, Светкина учительница, молоденькая, строгая неулыба.

Светка была в кино. В этот день младшие классы под руководством вожатых смотрели «Конька-горбунка».

Лежа после обеда в спальне, Павел слушал, как Шура демонстрирует учительнице Светкино хозяйство.

Видимо, учительница пришла не в первый раз. Рабочий Светкин столик, книжная полочка, кукольный уголок — все это она уже видела.

Интересовало ее совершенно явно другое. Но Шура ничего не понимала. Она оживленно тараторила, сама себя перебивая

Окончание. См. «Огонек» №№ 4 и 5.

смехом, рассказывала, как утром погасло электричество и Светка в потемках надела фартук на левую сторону.

Показывала новые книжки, вытащила откуда-то из-под матраца альбом и начала хвалиться Светкиными рисунками.

Людмила Яковлевна сдержанно похвалила и книжки, и краски, и рисунки.

— Скажите, а как Света вас называет? — спросила она вскользь.

— А никак! — рассмеялась Шура.— Не привыкла еще...

— Странно! — Голос учительницы звучал строго и осуждающе.— А как она называет отца?

— А тоже никак!

Павел стиснул зубы, он готов был и уши зажать, чтобы не слышать ее смеха. Неужели эта дурища не понимает, что ее подозревают черт те в чем?

— А не очень она у вас перегружена домашней работой? У вас ведь ребенок маленький?

— В моем ребенке, если на старые фунты переводить, больше пуда живого веса...— фыркнула Шура.— Не то что Светка, я сама-то ее едва поднимаю!

Павел вскочил с кровати, торопливо прошел через залу, накинул телогрейку и вышел в сени.

Чуть не забыл со зла: Андрюха дрель новую просил принести. Павел вошел в кладовую. Тут же послышались голоса, стукнула дверь. Это Шура вышла проводить учительницу.

— Хорошо... Хорошо...— повторила она уже без смеха, видно, все-таки допекла ее Людмила Яковлевна своими вопросами.

Говорить с ней сейчас Павлу не хотелось. Прислонившись к стенке, он пережидал, пока она, проводивши гостью, не войдет в дом.

Вбежав с крыльца в сенки, Шура вдруг сдавленно охнула и, зажимая ладонью рот, закричала тихонько, сквозь рыдания:

— Не могу больше! О господи, не могу я больше!

Надо было выйти, обнять ее, увести в дом: она ведь выскочила-то раздетая, в одной шаленке, но у Павла ноги словно одеревенели.

Ах, дурак, дурак! Что же это такое творится?!

Шура ушла в дом. А вечером, когда Павел, прошатавшись более трех часов за поселком, пришел домой, она уже опять как ни в чем не бывало, напевая, суетилась подле плиты, болтала с ребятами, и у него не хватило духу начать с ней большой разговор о Светке. Рассказать, как нехорошо думают о ней люди, что не доверяют ей люди, боятся за Светкину сиротскую судьбу.

Прошла еще неделя. Обычная и вроде бы вполне благополучная. Наступила суббота — самый милый из всех дней недели. Закончена большая субботняя уборка. В квартире даже немного торжественно от особенной предпраздничной чистоты и порядка.

Бабушка Анфиса Васильевна после бани в благостном настроении, даже на Светку не косится. Сидит с ребятами за столом. Аленка на высоком стульчике рядом с бабушкой. Юрка напротив — такие они румяные, чистенькие, хорошие после бани.

Светлана помогала Шуре лепить к ужину пельмени, потом они перемыли посуду, и Светка у кухонного стола перетирала ложки и вилки. На плите закипала в большой кастрюле вода.

Придет сейчас из бани Павел, Шура бросит пельмени в кипяток — и через десять минут готово целое блюдо великолепного сибирского угощения.

Накрывая стол к ужину, Шура рассказывала матери, как они со Светкой вчера потеряли котенка Тузю, рыжего Тузяку:

— Ну, просто обыскались! Света и в подполье лазила и за печку: «Тузя! Тузя!» Я и в кладовке все обшарила... А вот и папка из бани идет... Потом я говорю: «Давай, Света, я тебя подсажу, погляди на шифоньере...»

Дойдя до самого интересного места, Шура мельком взглянула на Светку и замолчала на полуслове.

Прижав полотенце к груди, Светка к чему-то напряженно прислушивалась. На побледневшем лице ее было столько тревоги и страха, что и Шура чего-то внезапно испугалась.

Швырнув полотенце на стол, Светка ринулась в залу. Через мгновение оттуда пулей вылетел Юрка, сжимая что-то в кулаке. Он швырнул под ноги Светке раскрытый «редикуль».

Светка налетела на него сзади, они ударились о кухонную дверь и вывалились в сени, под ноги входившему Павлу.

Когда Шура выскочила в сени, Юрка с ревом валялся на полу, а Павел, стиснув Светку за плечо, пытался повернуть ее к себе лицом.

— Не тронь ее! — крикнула Шура, на бегу подняв с пола клочья порванной фотографии.

Она оттолкнула Павла и, подхватив Светку, как маленькую, на руки, побежала с ней в залу.

Впервые Светка плакала, как плачут в горе все восьмилетние девчонки: навзрыд, судорожно всхлипывая и захлебываясь слезами.

— Гляди, Свет! Ну ты только взгляни...— уговаривала ее Шура, складывая на своем колене половинки фотографии: — Погляди, только нижний угол оторванный. Мы с тобой завтра утром, как встанем, сразу пойдем к дяде Мише, к фотографу. Он все подклеит, а потом переснимет, вот увидишь — еще лучше будет. А одну карточку попросим его увеличить — и будет у тебя портрет, рамочку купим красивую...

Вскинув голову, она прислушалась и, отстранив притихшую Светку, выскочила в кухню.

— Что ты над ним причитаешь?! — закричала она возмущенно.— Что ты стонешь: «Маленький!.. маленький!..» Да намного ли он меньше-то ее? Или ты сама не видишь, что он, змей зловредный, с первых дней проходу ей не дает?

— Да где же это видано?! — ахнула Анфиса Васильевна.— Из-за каких-то картинок кидаетесь на ребенка, как бешеные...

— Не картинка это...— Шура вдруг очень устала, она не могла больше сердиться и кричать.— У нее от матери только и осталось, что эта карточка. Она эту сумочку из рук боялась выпустить и вот не уберегла все же...

— Ну и что? — строптиво поджала губы Анфиса Васильевна, обнимая надутого, заплаканного Юрку.— Значит, теперь из-за ихних карточек убить надо ребенка? Ладно, не плачь, дитенок мой, одевайся, пойдем к бабке. У бабки на тебя никто не набросится...

— Подождите, мамаша! — резко оборвал ее причеты Павел.— Никуда он больше не пойдет. И, пожалуйста, не натравливайте вы детей друг на друга...

Когда оскорбленная Анфиса Васильевна удалилась, Павел не спеша снял с себя брючный ремень, положил его справа на край стола.

— Ну, а теперь объясни мне, зачем тебе эта сумочка понадобилась? — Он притянул Юрку к себе за плечо, сжал между колен.— Не молчи, плохо будет...— И протянул руку за ремнем.

— Паша, не надо! — Держа на одной руке Аленку, Шура другой рукой перехватила ремень.— Не тронь его, хуже сделаешь, неужели и это тебе непонятно?

Выдернув Юрку из отцовских колен, она дала ему хорошего шлепка и подтолкнула к двери.

— Марш в спальню! И сиди, пока папа не позовет.

В этот момент Аленка, обидевшись, что семейная баталия до сих пор протекает без ее участия, спохватилась и закатила самый большой рев. Она не хотела идти на руки к отцу, выгибалась, дрыгала ногами, визжала...

Пока Шура утихомирила ее и уложила, ребята, наревевшись каждый в своем углу, уснули без ужина.

Павел молча и без всякого удовольствия глотал свои любимые пельмени. Шура тоже молчала. Молчание ее казалось непривычным и странным. Круглое, миловидное лицо ее не было сердитым. Просто о чем-то она очень серьезно, трудно и невесело думала.

Заговорила она только поздним вечером, когда Павел уже лежал в постели. Заплетая на ночь косы, Шура спросила, не оборачиваясь от зеркала:

— Ты, когда брал ее, думал о том, что теперь ты за нее в полном ответе? — Она помолчала, потому что Павел не отозвался. Закинув руки за голову, он хмуро, прищурившись, смотрел в потолок.— Я, ей-богу, не знаю, что мне с вами со всеми делать.— Шура громко вздохнула.— То ли со Светкой возиться, то ли тебя к ней приучать? Куклу девчонке купить и то ты сам не догадаешься, все тебе подсказать надо. А она должна видеть, что все это от тебя идет, от твоей заботы.

Шел ты как-то с ними из кино. Я гляжу: Юрка на правой руке у тебя висит, а Светка сбоку, сзади плетется. А почему бы тебе другой-то рукой ее за руку не взять? Не хочет? А ты этого не замечай. Ее к ласке-то силком приучать приходится.

Раньше ты хоть Юрке внимание уделял, а теперь из-за Светки и на него не глядишь, а сегодня еще и ремнем намахнулся. А он злится и на ней все вымещает.

Сейчас главнее всего нам, чтобы они между собой подружились. Я вот тебя сколько раз просила: возьми ребят, поди сделай с ними ка́тушку. Надо, чтобы они больше вместе находились и чтобы ты сам с ними был.

У Юрки лыжи без ремней валяются, а у Светки и совсем нет никаких. Я тебе сказала, ты покосился да промолчал...

Слыхала я одну такую пословицу, что «от немилой жены — постылые дети». Только я считаю, что это в корне несправедливо. Завели вы ее, конечно, сдуру, ну, а она-то при чем?

И напрасно ты себе в голову вбиваешь, что она что-то Светке внушала против тебя. Ты мне поверь: Светка про тебя раньше ничего не знала. А несуразная она такая получилась потому, что характером-то выродилась вся в тебя, а мать ей досталась больная, ненавистница. Рядом с такой и взрослый человек смеяться бы разучился и разговаривать отвык. Если разобраться, так она и при живой матери вроде сироты была. А теперь при живом отце немилая дочь.

Ты думаешь, она не понимает, что ты ее не любишь? Она, Паша, очень умненькая, она все понимает.

Опершись на локоть, Павел изумленно вглядывался в лицо Шуры. Вот вам и Шурка! Вот вам и легонький умок! Он не мог оторвать взгляда от кругленького, простоватого, милого Шуркиного лица, от невысокого чистого лба, на котором совсем, видимо, недавно прорезалась незнакомая Павлу вертикальная морщинка.

— Ты понимаешь, Паша...— Шура говорила медленно, раздумчиво, словно сама удивлялась своим словам.— Ее ко всему заново приучать надо. Есть она при людях не может. Я сначала тоже думала, что она характер свой показывает, назло делает, капризничает. Нет, Паша! Я потом, как научилась в ней немножко разбираться, вижу: она и сама себе не рада. Уж я чего ни придумывала, пока приучила ее при мне есть как следует быть! Вот почему я с ней отдельно от тебя стала обедать. Не может она еще при тебе пересилить себя. Ты уж подожди пока. Она ведь даже в куклы играть не умела, подружек у нее никогда не было. Как мы с Полинкой к девчонкам ее приучали, смех один, ей-богу!

Подговорили Полинкину Раиску и Зиночку Ильину, вот те после обеда и приходят к нам. Я Светке кричу: «Света, к тебе гости, иди встречай!» А сама Ленку в охапку. «Играйте,— говорю,— девочки, а я к тете Поле платье кроить пойду. Света, ты

девочек,— говорю,— чаем угощай, в буфете мед, печенье, конфетки...»

Сидим мы с Полинкой, болтаем, а самим не терпится поглядеть, как наша Светлана с гостями обходится. Полина пошла будто за ножницами. Вернулась, хохочет. «Кукол,— говорит,— за стол усадили. Светка вся разгорелась, суетится, хлопочет, на стол собирает...»

Теперь девчонки, как в школу идут, заходят за ней и к себе ее уводят играть. Раиска говорит, что с ними она разговаривает и даже смеется иногда... Она, Паша, и к нам привыкнет, потерпеть надо только.

И еще я так думаю: хватит нам переживать и от людей таиться. Мне другой раз в голос бы реветь, а я выбадриваюсь перед людьми, только бы поменьше Светкины ненормальности в глаза людям кидались. Хорошие люди нас всегда поймут и помогут, а из-за дураков и переживать нечего. Верно, Паша?

И еще я думаю, Паша, все-таки должен ты ее полюбить. Ты только приглядись — до чего же она на тебя и на Юрку походит. Ты даже не представляешь, какая она способная, какая у нее память острая! А как ее учительница хвалит! И, знаешь, Паша, она в шашки играть умеет, честное слово! Вот бы тебе с ней поиграть, а?

«Умница ты моя...» Вслух этих слов Павел, конечно, не сказал. Он и подумал-то это, возможно, какими-нибудь другими словами. Он молча привлек ее к себе и кончиками пальцев осторожно, благодарно разгладил морщинку над переносьем, такую лишнюю на ее милом лице.

Шура не зря сказала Павлу, что как-никак, а Светка помаленьку все же начинает привыкать.

В этом вопросе надо было брать во внимание, что, кроме вредного змея Юрки, на свете жила еще Аленка. При людях Светлана к Аленке не подходила, словно той и на свете не было. Но по некоторым признакам Шура догадалась, что между сестрами возникли какие-то тайные отношения. Выдавала тайну Аленка.

При появлении Светланы она начинала трепыхаться от радости, улыбалась, тянула к ней руки, а потом ревела, когда Светка проходила мимо, не взглянув на нее. А Аленка начинала стоять дыбки. Она была толстая и лентяйка. Передвигаться предпочитала на четвереньках. Каждый понимает, насколько это значительный, насколько серьезный этап в жизни человека — научиться стоять дыбки.

— Свет, гляди, гляди! — восторженно зашипела Шура за Светкиной спиной:— Ленка стоит! Смотри скорее!

Светка стремительно обернулась на стуле. Темные брови изумленно и радостно вскинулись вверх, дрогнули губы, но улыбнуться она не успела — опомнилась и, словно померкнув, медленно отвернулась к столу и склонилась над своей тарелкой.

Аленка шлепнулась на пол. Шура подхватила ее на руки, потискала, помяла и снова поставила на ножки, но уже по другую сторону стола, чтобы Светка могла видеть ее, не оборачиваясь.

Аленка стояла дыбки честно, ни за что не держалась.

Дыбки-дыбошки, стоят наши ножки...—

лучась и сияя, пела Шура, присев перед ней на корточки. Крыльями раскинув руки, чтоб в любое мгновение подхватить, не дать упасть, испугаться, она ворковала, собирая всяческую милую чепуху:

А мы на эти ножки купим сапожки,
Ножки в сапожках бегут по дорожке...

А через несколько дней у Шуры разболелся зуб. Днем, усыпив Аленку, она с грелкой прилегла на тахту. Сквозь дремоту она слышала, как осторожно ходит в кухне, вернувшись из школы, Светка... Потом захныкала Аленка в спальне.

Нужно было вставать, но зуб пригрелся, боль притихла, и не было сил оторвать голову от теплой грелки. Через силу стряхнув сон, Шура приподнялась, но тут же снова приникла к подушке.

В спальне тоненький, нежный незнакомый голосок напевал:

А мы на эти ножки купим сапожки,
Ножки в сапожках бегут по дорожке...

И тот же голосок сказал внятно, с любовной строгостью:

— Тихо, Аленка, тихо! У мамы зубик болит... Не шуми, дай маме поспать.

Через полчаса Шура, громко зевая, прошла, шаркая ногами, в кухню, а когда ровно через две минуты вошла обратно в залу, Светка уже сидела в своем углу над раскрытой книгой, а в спальне в одиночестве хныкала Аленка.

Купая в кухне Аленку, Шура не раз ловила внимательный, любопытный взгляд из-за дверного косяка.

Одной ребенка купать, конечно, неудобно, и однажды Шура призвала на помощь Светлану:

— Будь добренькая, помоги! Никак теперь с ней, с толстухой, одной не управиться. Возьми кувшин и лей ей на головку, лей, не бойся! Теперь на спинку. Ну, вот мы и помылись. Вот какие мы голенькие, чистенькие, вкусненькие...

Шура положила завернутую в простыню Аленку в кроватку и вдруг всплеснула руками.

— Батюшки, молоко-то?! — Она промчалась в кухню, где на плите стояло в кастрюле молоко на вечернюю лапшу. Помешивая еще холодное молоко, она крикнула из кухни: — Света, вытри, пожалуйста, Аленку. Рубашку надень, а сверху кофточку. Только на руки не вздумай ее брать. Надорвешься!

В этот вечер Шура переделала в кухне кучу дел. Юрка был у бабушки, Павел задержался на работе.

Светка унесла в спальню несколько своих книжек — читала Аленке сказки, пела что-то потихоньку... Но не успел Павел переступить порог кухни, как Светка, схватив в охапку книжки, метнулась из спальни и через минуту сидела за своим столом над раскрытой книгой, а в спальне обиженно хныкала Аленка.

С тех пор между Шурой и Светкой установилось негласное соглашение, когда они были одни, Шура просила:

— Света, поиграй с Аленкой.— И Светка, забрав книжки и кукол, шла в спальню.

А потом пришла такая минута, когда Светка сама, скосивши глаза в угол, спросила:

— Я уроки сделала.. Можно мне поиграть с Аленкой?

На следующее утро после драки Шура со Светкой отправились к фотографу. Оставив Светку за воротами на скамеечке, Шура пошла узнать, дома ли дядя Миша, фотограф. Вскоре Светку позвали в дом.

Осмотрев порванную фотографию, дядя Миша внимательно и ласково взглянул на Светку и сказал, что беда вполне поправима, через несколько дней будет готова новенькая карточка и рамка для нее найдется подходящая, бери и ставь сразу на стол.

От дяди Миши они пошли на рынок, походили по магазинам, купили двое санок на железных полозьях: синие — для Светки, красные — для Юрки.

А когда вернулись домой, оказалось, что Павел с самого утра стащил Аленку к бабушке и успел сделать две небольшие деревянные лопаты.

Наскоро пообедав, всем семейством вышли в огород, потому что кáтушку решили делать в огороде. Получался очень хороший разгон с уклоном до самого плетня.

Помочь Павлу сколотить невысокую площадку и приладить к ней два наклонных бревна пришел Семен Григорьевич, Раискин отец, потом подошли с лопатами соседи Саша и Сергей Иванович Бороздины. Конечно, сбежалась вся соседняя ребятня.

Светлана и Юрка трудились до седьмого пота. Очень уж хороши были новые лопаты, да и отец, не давая зря болтаться, покрикивал:

— Света, Юра! Берите вон эту плашку, тащите сюда!

— Света, помоги Юрке ту глыбину вниз спихнуть... А ну-ка, дочка, помогай: держи доску за тот край, я прибивать стану, а ты, сынок, встань для груза посредине.

Уже под вечер Саша сбегал в гараж, притащил длинный резиновый шланг. Через форточку окна его протянули в кухню к водопроводному крану. На ночь кáтушку залили водой. Три вечера Павел после работы трудился с ребятами в огороде. Совместными усилиями сделали широкие ступени, по которым можно было без труда взбираться с санками на площадку.

Нарастили снеговые борта на площадке и на самой кáтушке, чтоб никто не мог свалиться сверху в снег. На несколько рядов поливали и замораживали спуск и ледяную дорожку. Лед становился все толще, все прочнее, и, наконец на пятый день красавица кáтушка была готова.

Только поздним вечером удалось загнать ребят по домам. Когда Светлана и Юрка, полусонные, разомлевшие после горячего ужина, добрались до постелей, Павел негромко, сдерживая усмешку, сказал, покосившись на Шуру:

— Светка сегодня полезла в снег за жердинкой, а Юрка как заорет: «Светка, не лезь, там яма, провалишься!»

— Ой, Па-ша!..— Шура глубоко, длинно вздохнула и, на мгновение приникнув к Павлу, умильно заглянула ему в потеплевшие глаза.— Пойдем, Пань, скатимся хоть по разочку, ладно? Ты одевайся, а я сбегаю Полинку с Семеном кликну и Сашку..

Обновили кáтушку на славу. Согнувшись вдвое, с разбойничьим посвистом пролетал по ледяному раскату Сашка. Упоенно визжали, барахтаясь в сугробе, Шура с Полинкой. Негромко гоготал, скользя мимо них на собственных салазках, Павел. Словно в бочку ухал Семен, падая животом на кусок старого линолеума.

— Что я тебе скажу, Паша...— Собирая Павлу ужин, Шура мимоходом плотно прикрыла дверь в залу.— Я еще на той неделе к Екатерине Алексеевне ходила. Она хоть и на пенсии, а в школе часто находится, все молодым учителям помогает. А Светкина Людмила Яковлевна с ней в одной квартире живет. Я, Паша, Екатерине Алексеев-

---

Владилен МАШКОВЦЕВ

Магнитогорские мартены

Звени же, огненная вьюга,
предвестьем лемеха звени...
Но сталь,
что сварена для плуга,
сгодиться может для брони.
Будь вечен,
гром уральской славы,
она рождалась не в речах.
Рождалась мощь моей державы
в моих мартеновских печах.
Былинной силою степенны
стоят,
доспехами горя,
магнитогорские мартены,
как тридцать три богатыря.

не все как есть рассказала. Ты знаешь, как она переживала и за Светку и за нас с тобой! А тебя она прямо ужасно хвалит... На лыжах-то ты с ребятишками мимо ихнего дома ходишь, и в кино она тебя с ними видела. А что ты Светку в шахматы играть обучаешь, я ей сказала. А меня она похвалила, что догадалась я: пошила ребятам лыжные костюмчики одинаковые. «Их,— говорит,— даже не отличишь, как братишки-двойняшки». А еще, знаешь, что она мне сказала? «Вот,— говорит,— как можно в человеке ошибаться. Росла ты на моих глазах, и учила я тебя четыре года, а какая ты есть на самом деле, не разглядела».

Подперев кулачками подбородок, Шура смотрела в спокойное, по привычке чуть прижмуренное лицо Павла.

— Вчера встретила Людмилу Яковлевну, хорошо она так, ласково со мной поговорила. «Знаете,— говорит,— Шура, я Свету в рисовальный кружок к Игорю Сергеевичу записала. Она хотя и мала еще, но он посмотрел ее рисунки и принял». А директор меня Александрой Николаевной взвеличал.— Шура фыркнула в ладошку.— Подергал меня вот так за руку и говорит: «Ничего, Александра Николаевна, все образуется. Мужу привет». Я глаза вытаращила, а он повернулся и пошел.

К новогодней елке готовиться начали загодя, чтобы успеть побольше наделать игрушек. В лесу у Павла и ребят уже была облюбована елочка — загляденье! Под самый потолок встанет она в зале, игрушек на нее пойдет уйма. Если все покупать, никаких денег не хватит, да свои-то игрушки намного интереснее.

Целые вечера у Олеванцевых толклись ребятишки: резали, клеили, красили, галдели, хохотали, ссорились и мирились.

Часто забегала Людмила Яковлевна, приносила еще один образец новой игрушки. Хвалила и браковала готовую продукцию. Чаще других, нахмурив красивые брови, задерживала в руках Светланины самоделки. Рассмотрев, говорила строго, словно в классе на уроке:

— Вот посмотрите, дети, как Светлана сделала эту корзиночку и какими красками ее раскрасила. Это очень красиво, правда? Ты, Света, покажешь ребятам, как нужно разрезать бумагу, чтобы получилась такая красивая корзиночка?

— Хорошо...— тихо отвечала Светка, залившись жарким, смуглым румянцем. За последнее время лексикон ее обогатился еще пятью-шестью словами.

— Пап!! — радостно вопил Юрка, оглянувшись на стук входной двери.— Чего ты долго?! Мы тебя ждали-ждали... Картон такой толстый, мама говорит: «Не трогайте, папа придет и нарежет».

Павлу очень хотелось поваляться часок с книжкой или подремать до ужина перед телевизором, но Шура делала страшные глаза, и он, крякнув, покорно присаживался к столу и брал в руки ножницы и кусок картона.

Как-то мимоходом забежала Людмила Яковлевна. Ребята возились на кáтушке, Павел подшивал Шурины валенки: новые в этом году купить не пришлось. Он отложил валенок в сторону и поднялся, чтобы помочь учительнице раздеться.

— Нет, нет, Павел Егорович, я на минуточку. Новость вам принесла хорошую...— Людмила Яковлевна присела к столу, расстегнув меховую шубку.— Сегодня к моим детям приходила в гости Екатерина Алексеевна. Она рассказала ребятам о нашем совхозе, о передовиках производства, об ударниках коммунистического труда. Многие из них в детстве были ее учениками, но более подробно она рассказала о вас, Павел Егорович. Как вы работаете, учитесь, что вам первому было присвоено звание ударника и вообще, что вы очень хороший человек. Я смотрю на Светлану — она вся разрумянилась, слушает не мигая и глаз с Екатерины Алексеевны не сводит.

А Екатерина Алексеевна обернулась к ней и спрашивает: «Олеванцева Света, скажи, пожалуйста, Олеванцев Павел Егорович тебе родственник?» И, вы представляете, Света встала, смотрит ей прямо в глаза и гордо отвечает: «Это мой папа!»

Следующую новость принес Павел.

— Светка вчера из-за Юрки с Гошкой Шелкуновым подралась,— сообщил он, моясь после работы под умывальником.

— С Гошкой? — ужаснулась Шура.— Так он же вдвое больше ее и годами и ростом!

— То-то и оно, что и больше и сильнее. Семен со своего двора видел. Светка крыльцо подметала, а Гошка погнался за Юркой, Юрка во двор, и тот за ним, сбил Юрку с ног, Юрка заорал, а Светка, Семен говорит, как тигр, налетела на Гошку, да веником его молчком по морде. Гошка завыл и бежать, а Светка Юрку подняла, снег отряхнула, платочек из кармана достала и сопли ему вытирает.

Павел повесил полотенце и вдруг раскатисто захохотал.

— Нет, это надо же, молодчина какая! Этакого дылду веником по морде!

Возвращаясь с дальней фермы на мотоцикле, Павел на крещенском ветру застудился и получил какое-то нехорошее воспаление в правом ухе.

Не спеша вызревая, нарыв не давал покоя ни днем, ни ночью. За несколько дней Павел осунулся и почернел, словно месяц в тифу валялся. Болела вся правая сторона головы: ни порошки, ни уколы, ни добрая доза водки не могли ослабить неистовой боли.

Приехавший из города врач выписал новое лекарство, но его не оказалось в сельской аптеке, и Шура, утащив Аленку к бабке, помчалась за лекарством в город.

Павел отправил Юрку играть и, оставшись один, дал себе полную волю. Ходил по дому, стиснув голову руками, стонал и ругался сквозь зубы. Наконец, пьяный от боли и лекарств, задремал, плотно прижавшись к подушке больным ухом. Слышал сквозь сон, как хрипло стонет и скрипит зубами во сне.

Разбудила его не боль. Кто-то словно окликнул, позвал его издалека. У кровати стояла Светка, прижимая к груди закутанную в полотенце грелку.

Она смотрела ему в лицо, страдальчески сморщась, в испуганных глазах стояли слезы.

— Что ты, Света? — хрипло спросил Павел.

— Вот...— Светка положила на подушку грелку.— Горячая... Остынет — я еще налью...

Может быть, от благодатного тепла, сразу приглушившего боль, или от неожиданной радости у Павла вдруг горячо повлажнело под веками, он торопливо прикрыл глаза.

— Спасибо, дочка!.. Сразу легче стало. Не уходи... Посиди со мной.

Он хотел протянуть руку, привлечь ее к себе, но она уже отошла. Присела у его ног на краешек постели, притихла, как серый нахохлившийся воробышко. И все-таки она была рядом. Большая дочка, заботливая, умница... И горячая грелка, приглушившая боль, благодатная дремота... И совсем рядом тихое Светкино дыхание...

Больше недели бесчинствовала дикая метель. Перемело все дороги, на окраине занесло целую улицу небольших домишек, и их миром ходили откапывать из-под трехметровых сугробов.

Мужики на работу ходили артелями, чтобы по дороге в мастерские или на ферму не сбиться с пути, не утянуться в степь на верную погибель.

Несколько дней не работала школа. Как всегда, начали возникать страшные слухи, что на восьмой ферме не вернулась с дойки пожилая доярка Варя Шитикова, что потерялись в степи три девятиклассника, ушедшие будто бы без спроса домой из школьного интерната.

Точно никто ничего не знал. В степи повалило телеграфные столбы, связь с фермами нарушилась. От неизвестности на душе еще более тревожно и жутко.

Павел вернулся с работы, когда уже совсем стемнело. Долго выбивал снег из одежды, потом отогревался у горячей плиты. Был он в тот вечер угрюм и еще более, чем всегда, молчалив.

Юрка рано завалился спать. А Светка все сидела с книжкой в кухне, съежив худые плечи, прислушиваясь к завыванию и стонам вьюги, к жалобному скрипу ставен. Казалось, вот еще один порыв — и ставни с грохотом сорвет с окон, со звоном посыплются выдавленные ветром стекла...

Потом где-то бурей перехлестнуло провода, и погас свет. Стало совсем тоскливо и жутко. Спать легли при свечке.

Шура укрыла Светку сверх одеяла своей шубейкой, подоткнула со всех сторон, чтоб не поддувало, и, забрав свечку, ушла в спальню.

Долго не спалось. Лезли в голову какие-то старые, забытые страхи и тревожные, неспокойные мысли. Как будто забыла она сделать что-то очень нужное, важное... Или сделала что-то совсем не так, как надо.

Ей казалось, что уснули они всего на какую-то одну короткую минуту.

Вскочив с постели и нашарив трясущейся рукой спичечный коробок, Шура торопливо зажгла свечу. В ушах все еще звучал крик — тоненький, острый, полный ужаса Светкин крик...

Господи, как могла она, дура окаянная, оставить ребенка в такую ночь одного в темной комнате?!

Светка босая, белея рубашонкой, стояла на пороге спальни. Она повалилась на протянутые к ней Шурины руки, вцепилась судорожно в Шурины плечи — такая легонькая, маленькая, глупая.

— Ты моя, моя доченька...— заворковала Шура успокоительно: — Вот и все... И нет ничего. Заберемся мы сейчас к папке под крыло и будем себе посыпать, не страшен нам никакой буран.

— Что это ты, дочка?..— загудел Павел, принимая Светку из Шуриных рук: — Ты же у меня молодчина, смелая... Ну, ну, ложись, будем спать... Вот так...

Великое это дело — после такого страха лежать на широком, теплом отцовском плече.

Светка еще раз тяжело, навзрыд всхлипнула и, закрыв глаза, робко, неуверенно положила руку на грудь отца.

ПУСТЬ СПОРЯТ КАРТИНЫ И МНЕНИЯ

Московские живописцы показали в Доме художника около шестисот работ. Что думают о выставке, как оценивают ее сами устроители и участники?— с таким вопросом обратилась к художникам-живописцам корреспондент «Огонька» Эльвира ПОПОВА.

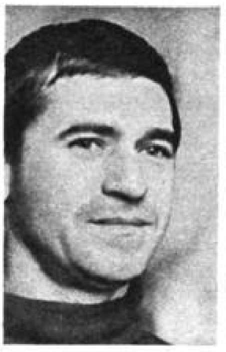
— Картины к осенней выставке,— сказал заслуженный деятель искусств РСФСР Виктор Цыплаков,— художники писали помимо заказов и договоров. Тем интереснее вникать в смысл выразительного многоголосья экспозиции...

С юных лет я люблю Подмосковье. Как выдастся свободное время, спешу под Серпухов, Звенигород, а то и в Суздаль писать пейзажи. И если тут как раз повеяло весной, разлив, март, то захлестывает меня восторг перед русским раздольем... Возможно, слово «восторг» покажется кому-то слишком сильным, но я другого не подберу. Нет художника без любви к природе, без творческого общения с ней. С интересом глядел я, как по-разному работают пейзажисты. Некоторые пишут пейзажи-картины в мастерской, обобщая наблюденное. Такой у этих художников характер. И не значит, что надо им его ломать. Но моему сердцу ближе поэтические вещи Валентина Сидорова, распахивающие перед нами ясные, радостные дали. Дорога мне и пристально-внимательная живопись Владимира Гаврилова, который пишет то колокольчики на окне, то усыпанную осенними листьями веранду... И видишь, как впитывают цветы фиолетовый настой летних сумерек, или словно слышишь сиротливое шуршание листьев по остывшим доскам... Манера письма у Гаврилова крутая, плотная. Под ее натиском, кажется, прорвался бы нежный сидоровский холст.

Еще более мажорное, контрастное настроение у привезенных с Севера пейзажей Игоря Попова. Они с Владимиром Стожаровым любят старую Русь и умеют в других разбудить эту любовь, гордость за свой народ, историю, культуру. Стожаровская любовь к старине представляется мне особенно яростной, безраздельной, даже чуть грубоватой. Ее называют иногда «языческой». И если художник умеет так любить, то, как говорится, слава богу...

Сложилось так, что я много лет работаю с молодежью. И главная у меня забота — выявить, вырастить в каждом из будущих живописцев его единственную, неодолимую привязанность. И те из моих учеников, у кого она есть, обычно хорошо выступают сначала на первой своей, дипломной, а после и на «взрослых» выставках. Я всегда радуюсь их успехам. Вот и сейчас, когда на нынешней выставке художники поздравляют Ефима Зверькова или Николая Пластова — таких несхожих моих питомцев, а зрители задерживаются возле их работ, я горжусь: множится племя талантливых художников, богатеет палитра родного искусства.

●

— Когда в 1944 году приехал я в Москву,— начал издалека разговор о выставке Дмитрий Жилинский,— были у меня иные вкусы, такое нравилось мне в искусстве, что теперь чудно и вспомнить.

Но годы занятий в Суриковском институте у Корина и Грицая, частые встречи с Фаворским (так совпало, что жил я в одном доме с этим большим мастером), беседы с прекрасным художником-анималистом Ефимовым, его женой, тоже художницей, Симонович-Ефимовой и, конечно, знакомство с великими образцами искусства прошлых эпох изменили постепенно многое в моих увлечениях и оценках. Сбылось то, что некогда говорила мне Нина Яковлевна Симонович-Ефимова, не возмущаясь, не всплескивая руками, в ответ на мои первые высказывания о живописи: «Ничего, Дима, поживешь, посмотришь».

Есть у меня теперь в искусстве вещи бесспорно дорогие, которые люблю я, видимо, на всю жизнь. Я большой поклонник русской иконы и раннего итальянского Возрождения. Искусство это восхищает и тревожит меня серьезностью, глубиной, напряжением.

У нашего атомного века есть свои проблемы, трудные вопросы, заботы... Вот почему мы, нынешние художники, не можем не спорить, не размышлять, не пробовать найти свою форму для образного раскрытия современности. И как дорого нам, если человек, задержавшись у картины,— кто бы он ни был: слесарь или врач, бухгалтер или ученый, агроном или продавщица,— старается вникнуть в смысл произведения. Стоит он у холста и внимательно прислушивается к голосу художника, честно работающего, думающего, серьезного.

В своей последней картине «Молодые скульпторы» я хотел сказать, что со студенческих лет человек, посвятивший себя творчеству, знает: надо выложиться без остатка, чтобы сделать вещь надолго. Ведь порой то, что шумит сегодня, но вскоре забыто, не имеет, собственно, отношения к искусству. Языком живописи и пытался я выразить, как тяжел благородный труд художника. Как много нужно знать, видеть, сколько перечувствовать, чтобы создать настоящее произведение!..

Все силы, талант, все, что умеет и знает, вложил Юрий Кугач в свою «Свадьбу», поведал про то, что любит, чем дорожит в жизни. Я, как профессионал, могу не во всем с ним согласиться, но не могу я не испытывать глубокого уважения к художнику за беззаветно честное отношение к своему труду, за его человечность.

Для товарищеских встреч, для творческих споров нужны вот такие, широко открытые для многих, самых разных художников выставки — групповые, сезонные, возрастные... На будущее этим экспозициям хочется пожелать большего творческого накала и заостренности проблем, меньше умиротворенности и покоя, от которых дряхлеет искусство.

Мою картину одно время не выставляли. В мастерской композиция казалась мне чем-то необыкновенным, исключительным. А теперь я смотрю на моих «Студентов», может быть, критичнее всех. Встало все на свои места: новая картина — только этап на пути, по которому всегда идешь вперед.

●

— Хлопот да тревог с нашей «Осенней художественной», как, не сговариваясь, назвали выставку художники, оказалось немало,— рассказывает народный художник РСФСР Василий Нечитайло.— Хотелось, чтобы хорошее дело не погубило себя в самом начале. Ведь уж лет десять, к сожалению, как забылась эта добрая традиция — весенние и осенние художественные экспозиции. Так что нынешнюю свою выставку художники создавали с энтузиазмом. Выставкомы просмотрели почти семь тысяч работ 1 300 авторов. Всего в экспозицию было отобрано около двух тысяч произведений живописи, графики, скульптуры, монументального искусства, плаката, хотя принимались только вещи, помеченные не ранее чем 1962 годом. Одних живописных полотен оказалось представлено почти 600.

Правду сказать, приятно нам было отдать на суд москвичам свой труд — эти незаказные, выполненные как бы для себя произведения.

Каждому художнику хотелось на дружеской, праздничной встрече обстоятельнее потолковать со зрителем. Теперь же по потоку посетителей выставки ясно, что и зрители рады войти в мастерскую художника, в творческую его лабораторию, будь то патриарх наш Сергей Коненков, выступивший со скульптурным портретом Луначарского, или недавние выпускники художественных вузов.

Единению возрастов и поколений на выставке особенно радуемся мы, потому что знаем: важен в искусстве не возраст человека, а его талант, мера которого лучше всего познается в сравнении... Стала твоя вещь рядом с работами товарищей, и яснее тебе ее достоинства, недостатки, скрытые в ней для тебя возможности на будущее и подстерегающие впереди опасности.

На выставке творческие манеры, почерки, живописные решения не безразлично соседствуют друг с другом, а спорят, соревнуются, побеждают или терпят поражения. И если чья-то работа не выстоит в открытом бою, автор не увидит в этом несправедливости, что, пожалуй, случилось бы, если бы вещь заранее отклонил выставком. Художник задумается о своей дороге, о том, чтобы не сбиться с нее, остаться на пути социалистического реализма. Но в своем творчестве художник-реалист может опираться на самые разные, расположенные на любой глубине слои мировых традиций реализма, разрабатывать их, идти дальше. Один из нас обращается к достижениям русского критического реализма. Другой увлечен открытиями импрессионистов. Творческий вклад третьего — в новом осмыслении цветового и композиционного строя древней русской иконы. Четвертому близки ассоциации между образами и проблемами современности и живописными концепциями раннего Возрождения. Ведь не зря записал когда-то в своем дневнике Эжен Делакруа: «Часто толкуют о новом. А что такое новое? Новое — это только давно забытое старое»...

А самое главное новое в том, чтобы жить в своем времени, любить и понимать его, черпать из этого бездонного кладезя.

Так говорит сама экспозиция, которая для нас сегодня столько же праздник, сколько и очередная репетиция, смотр сил для большой и ответственной работы. Впереди художественные выставки, посвященные 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции и 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина.

В. Сидоров. НАЧАЛО ВЕСНЫ.

«Огонек». 1966.

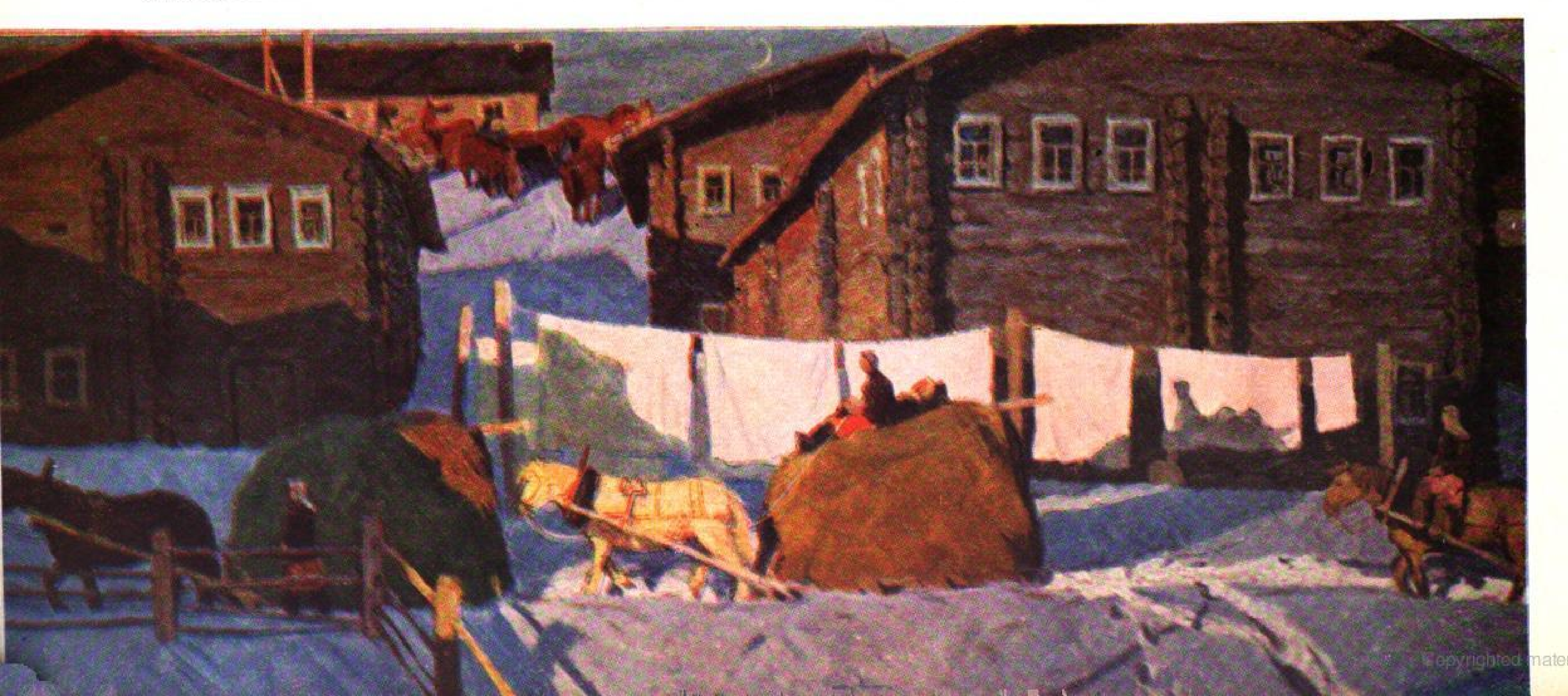

Ю. Кугач. СВАДЬБА.

В. Цыплаков. МАРТ.

И. Попов. ВЕЧЕР.

ЕГО ГЕРОЙ — КРЕСТЬЯНИН

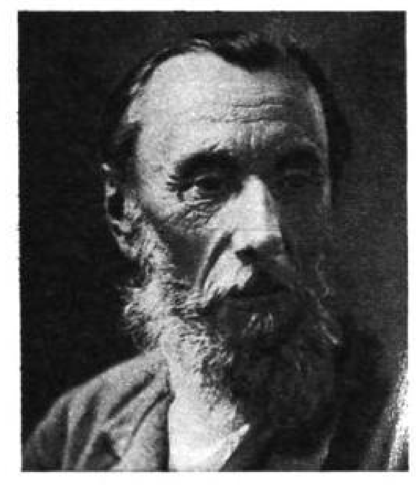
«Правдивый и бесстрашный друг людей» — так назвал Семена Павловича Подъячева Алексей Максимович Горький, подчеркнув, что писатель этот «вполне достоин, чтобы его читали вдумчиво и много».

Родившийся сто лет тому назад, 10 февраля 1866 года, в бедной крестьянской семье, С. П. Подъячев на себе испытал все муки, приходившиеся на долю бесправного, безземельного крестьянина царской России: полуголодную жизнь, скитания в поисках заработка, нужду и унижения.

Страшный быт городского «дна», нищенское существование рабочих-батраков, безысходная нужда русской деревни, дикие нравы кулаков — вот основные темы дореволюционного творчества Подъячева, его повестей «Мытарства» (1902) и «Среди рабочих» (1904), его многочисленных рассказов. Герои его книг — люди, среди которых он жил и работал. «Он знает их, как мозоли на своей ладони труженика, как боль своих мускулов», — писал Горький. Отсюда суровая правдивость произведений писателя и та огромная популярность, которой пользовалось его творчество.

После Великой Октябрьской революции С. П. Подъячев вступил в партию большевиков, вел большую общественную работу, писал рассказы о борьбе деревенских коммунистов с врагами революции, с радостью отмечал в своих произведениях все то новое, светлое, что принесла деревне Советская власть.

В последние годы жизни по совету и даже настоянию Горького Подъячев написал большую автобиографическую повесть «Моя жизнь».

В Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР хранятся рукописи и письма С. П. Подъячева. Со страниц этих писем встает живой и удивительно привлекательный образ человека, чья жизнь, полная испытаний и горечи, с самой юности и до последних дней была озарена светом творчества, отдана литературному труду.

Мы публикуем здесь два отрывка из писем Подъячева и одно письмо полностью. Первый отрывок взят из частично сохранившегося черновика письма, адресованного писателю Г. А. Мачтету. Задолго до появления в печати повести «Мытарства», принесшей Подъячеву известность, молодой писатель рассказывает о начале своего творческого пути.

Из письма Г. А. Мачтету [1890 г.]

...Я — мещанин, Московской губ[ернии] Дмит[ровского] уезда. Живу по большей части дома, в деревне. Я человек мало учившийся, но читал я много, все, что только попадалось под руку. И от этого или от чего другого, но только лет с 14-ти я стал писать — на муку и горе себе. Мне теперь около 25-ти лет, кое-что я напечатал...

А сорок два года спустя в письмах своему другу Г. И. Лебедеву Семен Павлович Подъячев как бы подводит итог сделанному за всю жизнь. Перенесший тяжелую утрату — смерть жены, незадолго перед тем сам серьезно и долго болевший, Подъячев полон творческих планов, любимая работа помогает ему преодолевать горе и боль.

Из письма Г. И. Лебедеву 19 марта 1932 года

...Помаленьку стал чертить [доканчивать] третью часть «Моя жизнь», думаю к лету кончить, и тогда «ныне отпускаеши, владыко», и т. д. Будет! Немало написано, а теперь новые птицы прилетели и новые у них песни. Бодрые и хорошие! Что можно было сделать — сделано, и людям в глаза глядеть не стыдно, и помирать не страшно. [...]

Вообще же все сейчас хорошо, и дух мой бодр, и весна идет!!.

Письмо Г. И. Лебедеву 10 ноября 1932 года

Дорогой мой Георгий Иванович!

Ну вот я остался один... Тяжело мне, но думаю, что и эту беду поборю. Есть желание работать, писать, а это самое главное, а уж повторяю, тяжко! Иной раз так схватит за сердце — смерть! Без малого ведь 50 лет выжили вместе и беды и радости делили.

Но довольно об этом.

Побывали бы вы с И. М. Касаткиным у меня. Дорога сейчас подстыла. Ехать хорошо, а уж как бы меня, старого вдовца, обрадовали — и сказать нельзя!

Живу пока ничего, сносно, т. е. не пускаю, чтобы тоска вошла в дверь ко мне окончательно... Затеваю большую работу «Встречи», буду писать их и тебя изображу, ибо ты на моем жизненном пути подал мне хорошую, твердую и честную руку.

Спасибо! И жена, покойница, тебя крепко любила своим простым хорошим сердцем.

Так-то вот, дорогой мой Георгий Иванович...

Приезжай-ко навести!

Семье твоей сердечный привет!

С. П. Подъячев.

Планам писателя не суждено было осуществиться: Семен Павлович Подъячев умер в феврале 1934 года, не успев написать задуманную им работу «Встречи». Он похоронен в родном селе Обольянове, которое теперь в память писателя называется Подъячевом.

Н. ЦВЕТКОВА

СТИХИ - РАЗДУМЬЯ

Есть у русских старинное приветствие: «Хлеб да соль!» Так говорят, угодивши к столу. Хозяин застолья отвечает: «Милости просим откушать с нами». И — богат ли, беден ли, стол — отказываться грех.

Это приветствие и вынес в заглавие своей новой книги Сергей Викулов. Поэтично и многозначительно. Стихи о крестьянстве, о хлебе, о гордом и трудном счастье землепашца-воина.

Прямая жизнь у родичей моих.
Мужчины — те в руках своих
держали
то плуг, то меч...
А бабы — жены их —
солдат земле да пахарей
рожали.

Отлучка крестьянина от земли горестна и мучительна. На войне солдату поле снится. И если позволяют обстоятельства, он ставит винтовку в козлы и идет убирать жито. Это очень прочувствованно и ярко изображено в «Балладе о хлебе».

Бывало, нужда выгоняла мужика из деревни. С семьей и скарбом он перебирался в город, жил там долгие годы и... все время мечтал о возвращении к земле. Асфальт и железный грохот не для него. На пашне он колдун, кудесник, творец. Лишь бы ему не мешали. Убираются помехи, и

Возвращаются беженцы
и срывают прогнившие доски с
окон.

У нас много пишут стихов о деревне. Иногда это зарифмованные лозунги, иногда — сантименты о травушке-муравушке. Изредка попадаются пейзажи, будящие в нашей душе далекие воспоминания детства. И гораздо реже встречаются стихи большого социального звучания.

Сергей Викулов пишет такие. Его поэмы «Конек на крыше», «Земля» и особенно «Окнами на зарю» представляют собой художественную летопись жизни нашего крестьянства за последние сорок лет. В них горе и радости, печали и надежды колхозных землепашцев.

Хотите знать о положении в современной деревне — почитайте стихи и поэмы Викулова. Могу поручиться, они вас возьмут за живое — начнете читать и не оторветесь до конца. В поэмах — широкие и многоцветные картины народной жизни, образы душевных, беспокойных людей, в стихах — господствующие ныне в деревне настроения. В них много любви к родной природе, мягкая грусть и улыбка вприщурку. Стихи талантливы, музыкальны. Особенно хороши «Песни в старом доме», «Есть у нас в селе Иван...», «У реки», «Читаю книжицу изящную...».

М. ШКЕРИН

Сергей Викулов. ХЛЕБ ДА СОЛЬ. Стихи и поэмы. «Советский писатель». Москва. 1965.

Навсегда запомним

Эта книга о том, как дрались и побеждали пехотинцы, летчики, артиллеристы, саперы, связисты 1-го Белорусского фронта. Это сборник воспоминаний военачальников и журналистов. Его составил бывший член Военного совета фронта, ныне генерал-лейтенант в отставке Константин Федорович Телегин.

В книге одинаково воздается должное и тем, кто талантливо направлял, и тем, кто героически исполнял, неся на своих плечах основную тяжесть войны.

Невозможно забыть строки генерал-лейтенанта Г. Д. Пласкова, посвященные рядовому Филиппу Минаеву. Это рассказ о русском солдате-богатыре, который не ради звания и славы — ради Отечества с боями прошел тысячи километров и пал у самых ворот берлинской твердыни.

Не будем перечислять всех тех, кого привели авторы на страницы «Последнего штурма». Хочется только сказать словами составителя К. Ф. Телегина:

«Пройдут годы и десятилетия, народы переживут еще многие тревоги и радости. Свет коммунизма зальет землю своими живительными лучами. Но никогда не изгладится из памяти благодарных потомков день Великой Победы над германским фашизмом».

Вл. МИТИН

ПОСЛЕДНИЙ ШТУРМ. Составитель — К. Ф. Телегин. Политиздат. Москва. 1965.

Юрий ЖУКОВ

Фото автора.

Обрывистые, ноздреватые, изъеденные солеными ветрами и избитые морской волной, источенные и расстрелянные серовато-желтые скалы. Ученые думают, что это удивительное каменное гнездо, лежащее в самом центре Средиземного моря,— последний осколок одной из горных цепей, связывавших некогда землю, называемую сейчас Европой, с землей, которую теперь зовут Африкой. Говорят, что тогда и море еще сюда не ворвалось,— существовала лишь цепь пресных озер. Наверное, они были очень красивы, но любоваться ими было некому: человек еще не родился.

Людям достался от тех дальних, туманных времен лишь вот этот шершавый обломок древней каменной гряды, именуемый ныне Мальтой. И все же они успели натворить здесь столько всяких удивительных дел, что сейчас, когда эти угрюмые камни вдруг предстают перед нами в сиреневой дымке позднего осеннего рассвета, сердце невольно вздрагивает и в голове проносятся вихрем неизгладимые воспоминания о том, что ты читал когда-то в старинных книгах.

Сколько себя помнит Мальта, она всегда жила под грохот боя. Сначала сюда вторглись финикийцы. Потом их одолели древние греки. Греков разгромили воины Карфагена. Карфагенян сменили римляне. Римлян изгнали вандалы. Вандалов — готы. Готов — византийцы. Византийцев — арабы. Арабов — норманны. Так шло столетие за столетием, пока здесь не воцарился на несколько веков знаменитый орден рыцарей Иоанна Иерусалимского, чьи интересы так внезапно и причудливо переплелись в конце концов с интересами русских царей.

Вы помните портрет императора Павла в мантии великого магистра Мальтийского ордена, висящий в Зимнем дворце? Он мечтал опереться на этот остров в своей борьбе против Франции. Но вышло иначе: Павла задушили, а Мальту взял Наполеон. Но и он не удержал остров; его перехватили англичане, помнившие завет адмирала Нельсона: «Будь я флагманом флота, сопровождающего армию, предназначенную для вторжения в Сицилию, я бы сказал генералу: если можете, то завладейте Мальтой... Мальта лежит на прямом пути в Сицилию».

Ну, а сейчас Мальта и прилегающие к ней еще более крохотные островки Гоцо и Комино именуются независимым государством Мальта. Живущие здесь 330 тысяч мальтийцев приобрели юридическую независимость год с небольшим тому назад, и теперь их правительство рассылает по всему свету отпечатанные — все же в Лондоне — туристские проспекты:

«Посетите наш остров! Это чарующий уголок. Здесь родился Ганнибал; здесь Улисс задержался на семь лет, очарованный нимфой Калипсо; здесь цивилизация расцветала задолго до того, как мир узнал о существовании Европы. Здесь чудесные пляжи, дешевые отели, веселые праздники. Здесь вы купите прекрасные сувениры...»

Наш теплоход «Литва» с советскими туристами на борту, лавируя в глубокой гавани, которую обступают со всех сторон древние и современные военные крепости, медленно подходит к причалу. Скалы испещрены бойницами, словно крутой речной берег норами, в которых кроются гнезда земляных стрижей. Слева и справа не только туристские лайнеры, но и серо-синие угрюмые военные корабли.

И вдруг с этого неприветливого берега доносится звон гитар и пение аккордеонов. Кто там? Четверо молодых людей в полосатых чулках, старинных костюмах и мягких, свисающих набок колпаках встречают нас пением «Подмосковных вечеров» и «О, эти черные глаза». Две девушки в национальной одежде машут букетами цветов. Это туристская фирма «Мифсуд и сыновья» встречает первых в истории Мальты советских туристов.

Влажный теплый ветер доносит на палубу запахи смоленых канатов, тмина и роз,— недаром еще во времена Древнего Рима этот остров славился своими цветами, хотя садоводство здесь было и остается дьявольски трудным делом: землю нужно было везти на эти камни с Сицилии.

Лирическая встреча настраивает на мирный лад. Может быть, Мальта ныне и впрямь уже не крепость и не грозная военная база, а лишь музей старинных военно-инженерных уважей, образцов укреплений всех эпох и стилей. А образцов этих здесь тьма-тьмущая; недаром французский военно-политический публицист Рене Пиньон еще до первой мировой войны, в 1907 году, писал: «На всем острове нет такого места, пригодного для десантных операций, которое не защищалось бы огнем береговых батарей, нет такого прилегающего морского участка, который, освещенный мощными прожекторами, не простреливался бы крупной дальнобойной артиллерией».

Так было еще шесть десятилетий тому назад. А вы представляете себе, что здесь было сооружено с тех пор? Ведь Мальта активно участвовала в двух мировых войнах и потом столь же активно готовилась к третьей. Тот же Пиньон пророчил ей на вечные времена весьма своеобразную карьеру. «Мальта,— писал он,— это прекрасная девушка, которая, не имея возможности прожить одна, отдается триумфатору, или, скорее, пленница, которую победитель находит среди боевых трофеев. Гибралтар и Мальта — «ключи Средиземноморья» — будут принадлежать завтра, как сегодня и вчера, как и в седую древность, властителям морей».

За эти шесть десятилетий изменилось многое, и «прекрасная пленница» сумела дать увесистый пинок незваным «триумфаторам» и приобрести хотя бы юридическую независимость. Но что означают вот эти разноцветные флаги, которые ветер треплет над великолепным дворцом там, на берегу? Если не ошибаюсь, это знаменитая «Флориана» — одно из лучших творений прославленного архитектора Паоло Флориани. Сумеем ли мы осмотреть этот дворец?

— Видите ли,— говорит, внезапно смущаясь, наш гид (он не профессионал, как сам пояснил нам, просто служит конторщиком на английской военно-морской базе, а в туристской фирме лишь подрабатывает в свободные дни),— видите ли, там находится одно учреждение: средиземноморский штаб морского командования НАТО. Но мы вам покажем много других красивых дворцов, музеев и соборов...

И мы отправляемся в путь. О, конечно, фирма держит свое слово: нам показывают много красивых дворцов, музеев и соборов. И хотя, как на беду, над Мальтой вдруг разверзаются хляби небесные, гремит гром и по крыше нашего старенького подслеповатого автобуса, построенного в Лондоне еще в 1957 году, яростно стучит сердитый дождь, мы старательно выполняем все свои туристские обязанности, знакомясь с одной древностью за другой.

Все интересно тут людям, добравшимся до Мальты из Норильска, Омска, Перми, Брянска и многих иных городов:

и древняя столица острова Мдина, со своими крепостными стенами, виллой римского патриция и дворцом, в котором живут последние представители угасающего рыцарского рода Игуанец — две сестры, бездетные глубокие старухи;

и открытые совсем недавно (крестьянин рыл колодец и провалился) катакомбы, протянувшиеся под землей на километры, в них хоронили своих покойников первые христиане; нас уверяют, что жителей Мальты обратил в христианство сам апостол Павел, потерпевший кораблекрушение и спасенный хитрым господом богом у берега этого острова, очевидно, со специальным назначением — окрестить туземцев;

и деревенская свадьба в Моске,— жених в черном сюртуке и невеста под белым покрывалом бегут из церкви под проливным дождем к старинному фиакру с кожаным козырьком и сверкающими медными фонарями;

и разукрашенный от пола до потолка старинный собор Иоанна Иерусалимского, где под тяжелыми каменными плитами спят вечным сном четыреста пятьдесят мальтийских рыцарей...

Здесь, в соборе Иоанна, один наш пытливый паренек спросил гида, что это за ржавые ключи привязаны к серебряной загородке алтаря. В глазах гида мелькнула веселая искорка. Он неопределенно усмехнулся, задумавшись: сказать или не сказать? Все же сказал. Любопытная, оказывается, история у этих ключей.

Случился однажды на Мальте трудный год — не хватало хлеба. Вассалы и рабы роптали. Надо было добыть продовольствие. Но как? Рыцари рассудили просто: отправились во имя господа в очередной набег против мусульманских нехристей, забрали у них столько продовольствия, сколько требовалось, да еще и лишку прихватили, город спалили, а ключи от него привезли и благоговейно подарили храму в знак благодарности господу богу за содействие в грабеже.

Потом, когда остров захватил Наполеон, он примерно в том же духе обошелся с этими благочестивыми рыцарями. Ему нужно было золото и серебро на содержание своей египетской экспедиции, и он обчистил Мальтийский орден, как липку. Не обошел Бонапарт своим вниманием и этот собор: отсюда было изъято великое множество драгоценностей, в свое время захваченных рыцарями у «неверных». Уцелела лишь одна серебряная люстра да вот эта алтарная загородка,— за них Наполеон взял с граждан Мальты двойную стоимость, когда они попросили оставить храму хоть что-нибудь.

Но наибольшее впечатление произвел на туристов, конечно, дворец мальтийских рыцарей — штаб-квартира великих магистров ордена, владычествовавших на Мальте. Строить его начал еще Евстафий дель Монте, племянник папы Юлия III, в 1569 году, а закончен он был уже в восемнадцатом веке. Здесь в оружейной палате рыцари хранили свои доспехи; здесь в огромной столовой они пировали и предавались «чувственным утехам», как писал летописец, и слушали менестрелей; здесь в своей капелле замаливали тяжкие грехи; здесь в тронном зале великие магистры принимали иностранных послов.

Рыцари ордена Иоанна Иерусалимского пришли на Мальту битыми,— их разгромили на острове Родос турецкие янычары, и император священной Римской империи Карл V дал им прибежище на Мальте с тем, чтобы они защищали подступы к империи от турок и африканских корсаров. Этот орден был создан еще в XI веке, в пору разбойничьих походов, именовавшихся крестовыми,— шайки бродячих рыцарей под предлогом спасения гроба господня устремлялись на юг, захватывая все, что плохо лежало.

Под стягом ордена иоаннитов объединилось восемь таких больших шаек, и вот перед нами стяги с гербами этих восьми «языков», как назвали их. Надписи на стягах гласят: «Кастилия с Португалией», «Арагон», «Овернь», «Прованс», «Франция», «Италия», «Германия», «Англия». В орден шли отчаянные и очень храбрые головорезы. И когда 18 мая 1565 года прибывшая на двухстах кораблях капудан-паши Пиаля турецкая тридцатитысячная армия сераскира Мустафы высадилась на Мальте, иоанниты под командованием великого магистра француза Жана Ла Валетты храбро преградили им путь, хотя силы были далеко не равными: под стягом Ла Валетты встали лишь 700 рыцарей и 7 500 их солдат.

Это была одна из кровопролитнейших битв шестнадцатого века: кровь лилась почти пять месяцев; погибло 240 рыцарей и 5 тысяч солдат; турки же потеряли 20 тысяч человек и вынуждены были сесть на корабли и удалиться прочь. В память об этой достопамятной битве и великом магистре Ла Валетте и был построен город, названный его именем. Сегодня Ла Валетта — столица Мальты.

Мы вспомнили всю эту драматическую историю, разглядывая во дворце мальтийских рыцарей знаменитые картины, изображающие памятную битву 1565 года; они были написаны по рассказам участников и очевидцев тридцать пять лет спустя Маттео Перецом д'Алеччио, и уже в ту далекую пору репродукции с них, сделанные венецианцем Лючини и размножен-

КАМЕННОЕ ГНЕЗДО

ные с помощью печатного станка, широко распространялись в Европе.

И, наконец, самый интересный зал — ковровая палата, сплошь увешанная поистине бесценными старинными парижскими гобеленами, прекрасно сохранившими всю свежесть и глубину своих красок; на них изображены полуфантастические пейзажи Индии и Африки, какими их представляли себе в ту далекую пору в Европе. В этом зале, вот за этими пятьюдесятью деревянными пюпитрами, заседал когда-то совет ордена, а ныне заседает парламент государства Мальта. Впрочем, под этой же крышей, в этом же доме продолжает жить губернатор ее величества королевы Великобритании. И наш гид оказался в очень трудном положении, когда советские туристы, забыв на минуту о волшебных красках гобеленов, атаковали его расспросами, зачем нужен этот губернатор и при чем тут английская королева, если Мальта провозглашена независимым государством и даже принята в ООН...

Но что мог сказать нам наш гид, конторщик британской военной базы на Мальте? Ответ на свои вопросы мы получили позднее, когда преследовавший нас весь день ливень наконец немного угомонился и мы, простившись с гидом и с удовольствием обнаружив, что у нас есть целых два часа свободного времени, высыпали на главную улицу Ла Валетты, именуемую по старой памяти Кингсуэй, что значит Королевская дорога. Туристы начали медленно бродить по городу, приглядываясь к мальтийцам, которые, в свою очередь, с любопытством и не без дружественной заинтересованности приглядывались к нам.

Слово за слово завязывались беседы, начинались взаимные расспросы. Меня, помнится, заинтересовала витрина книжного магазина,— я искал литературу о Мальте. Стоявший на пороге хозяин магазина, черноволосый, с усиками мальтиец средних лет, в вельветовой курточке с кожаными налокотниками, внимательно следил за мной, держа трубку в зубах,— покупатели книг здесь, как я заметил, редки. Узнав, что я из Советского Союза, он, позабыв о коммерции, решительно заявил, что магазин закрывается, запер дверь, и мы, перейдя через дорогу, очутились в маленьком, весьма своеобразном мальтийском кафе, похожем на старинный постоялый двор: вдоль длинного стола стояли крепко сколоченные, массивные деревянные скамьи, на которых теснились, словно добрые соседи, посетители.

О нашей беседе в этом кафе очень трудно рассказать по порядку: то был какой-то поразительный фейерверк взаимных вопросов и ответов, причем и спрашивали и отвечали все сразу. Вы только представьте себе на минуту ситуацию: мы впервые в жизни на Мальте и хотим все о ней узнать, а мальтийцы в первый раз видят советских людей и желают понять, какие мы. Ведь выходящие на острове газеты: две, публикуемые на английском языке — «Таймс оф Мальта», «Мальта ньюс»,— и одна, издаваемая на мальтийском, «Лехен ис Сева»,— не балуют своих читателей новостями о Советском Союзе; здесь книг наших не продают, а последний советский фильм мальтийцы видели в 1953 году, хотя на острове ни много, ни мало — 53 кинематографа. Правда, не так давно каким-то путем попал сюда из ГДР фильм «Русское чудо», но таможня тут же конфисковала его, и мальтийцам он не достался. И вот вопросы, вопросы, вопросы...

В моей записной книжке ложатся отрывистые строчки. На текстильной фабрике рабочим-мужчинам платят 2 фунта 12 шиллингов в неделю, а женщинам за такую же работу — 1 фунт 10 шиллингов... Рабочая неделя — 48 часов... На острове 9 тысяч безработных... Ежегодно 10 тысяч мальтийцев эмигрируют в Англию, Канаду, в страны Америки... На следующей неделе 128 человек улетают в Австралию... Есть обязательное пятилетнее образование (было введено в 1947 году, когда у власти на Мальте были лейбористы)... В 1961 году фирма «Рамблер» построила автосборочный завод, а в 1962 году его уже закрыли: нет сбыта автомобилей... Строительство отелей для туристов взяли в свои руки иностранные компании.

Все это, конечно, очень интересно. Но где-то внутри гложет червячок: ведь такие вещи случаются в любой капиталистической стране. А

Перед нами теснились могучие бастионы, башни, чернели таинственные пещеры, красовались великолепные замки...

Четверо молодых людей в старинных костюмах встречают нас пением «Подмосковных вечеров» и «О, эти черные глаза».

Они впервые видят советских людей и хотят их понять.

По этим улочкам бродили, стуча своими тяжелыми сапогами, рыцари ордена Иоанна Иерусалимского.

Любопытная статистическая справка: здесь на каждые десять жителей приходится один священник...

ведь мы же на Мальте, черт возьми, в этом знаменитом каменном гнезде, на скалах рыцарей святого Иоанна Иерусалимского! Неужели же Мальта и впрямь стала таким заурядным, сугубо штатским закоулком Средиземноморья, где все обстоит точно так же, как в любом курортном уголке, вроде Ниццы или Соррен-то? Неужели здесь нет иных, отвечающих специфике этого острова проблем?

Я пытаюсь растолковать своим расшумевшимся собеседникам, что меня интересует. Они сначала недоумевают, потом сидящий рядом со мной плечистый докер молча передает мне лежащий на столе номер газеты, прикрепленный для удобства посетителей кафе к лакированной палочке, и тычет пальцем в крупный заголовок:

«Соглашение НАТО — Мальта. Безопасность острова будет обеспечена».

Он внимательно следит за мной, попыхивая шкиперской трубочкой. В заметке сообщается, что достигнуто соглашение об установлении «новых отношений» между Мальтой и НАТО. Официально Мальта в блок не вступает, нет, но «подтверждается, что все члены НАТО заинтересованы в безопасности Мальты», и посему «всякий раз, когда, по мнению правительства Мальты, возникнет угроза ее территориальной целостности, политической независимости или безопасности, между правительством Мальты и НАТО будут иметь место консультации». В знак этой договоренности и поднят над «Флорианой», где находится штаб-квартира НАТО на Средиземном море, мальтийский флаг.

— Это еще не все,— говорит хозяин книжной лавки, который привел меня в кафе.— Существует двусторонний договор между нашим правительством и британскими властями. По этому договору мы отдали им за пятьдесят миллионов фунтов стерлингов в неограниченное пользование порт, аэродромы, базы, и они теперь хозяйничают тут, как это делали мальтийские рыцари, когда они явились к нам с Родоса...

Докер выглядывает в окно.

— Хотите полюбоваться?

По лужам тяжело ступают, разбрызгивая воду, американские военные полицейские в белых касках. Оказывается, на Мальте высаживается 3-й батальон 2-й дивизии американской пехоты. И подумайте только, с какой благородной целью: он решил принять участие в праздновании очередной годовщины Мальты! Правда, эта годовщина была уже давно отпразднована. Но что за дело до этого американскому командованию? Ему нужно дать своим парням поразмяться, и будет нетрудно убедить городские власти Ла Валетты устроить праздник повторно.

А на другой стороне улицы — британские солдаты, поглядывающие исподлобья на заокеанских гостей.

— Это новенькие,— объясняет докер.— Тут у нас стояли солдаты Королевского полка герцога Эдинбургского, те прошли огонь и воду. Они и в Ливийскую пустыню летали на учения, и в Сардинии побывали, и в Сицилии, и в Турции — всюду участвовали в маневрах. Даже до границ Республики Чад добирались. А в феврале 1964 года их возили самолетами на Кипр; они там пытались наводить английский порядок, но что-то у них не вышло. Ну вот, а сейчас тех солдат увезли в Европу, и они теперь будут продолжать служить в Западной Германии. А на смену им прислали вот этих зелененьких, но они, наверное, долго здесь не задержатся: сейчас английскую солдатню все чаще увозят отсюда в Аден, там у них необъявленная война с арабами. Туда же ушел отсюда и авианосец «Игл»...

Я слушаю своих собеседников, и сразу же штатские представления о «государстве Мальта» съеживаются, вянут и куда-то отлетают, как листья с каштана, что раскинул свои ветви над соседним сквером. О, конечно же, я уверен, что если бы вот такие люди, с какими мы сейчас толкуем, действительно решали судьбы своего крохотного архипелага, то они действительно дали бы мирное направление его жизни.

Но пока что это каменное гнездо остается гнездом зловещих пиратов, и в гнезде этом лежат бомбы неизмеримо опаснее тех, какими пользовался великий магистр Ла Валетта, сражавшийся с янычарами. Это ядерные бомбы. Уже не раз вполне официально говорилось, что именно здесь, в сумрачных подземельях Мальты, хозяева НАТО прячут свои атомные и водородные боеголовки.

Мальтийцы знают, чем это грозит им. И их не радует, а злит то, что над массивным, величественным зданием «Флорианы» рядом с флагом НАТО вдруг вывесили и мальтийский флаг; это просто оскорбляет и возмущает их. И не случайно премьер-министр, склонившийся перед требованием своих могущественных «атлантических» шефов об установлении «особых отношений» между НАТО и Мальтой, не только отказался разрешить парламенту провести обсуждение этого соглашения, но даже уклонился от ответа на вопросы депутатов, пытавшихся уточнить, какие обязательства оно накладывает на мальтийцев.

— Ответ на ваши вопросы содержится в тексте самого соглашения,— упрямо повторял он, не желая входить в детали.

А вот самая последняя новость с острова Мальты, которую агентство Рейтер 16 января передало из Ла Валетты: отныне 6-й американский флот будет пользоваться этим островом как своей ремонтной базой. Туда прибыла американская плавучая база «Кадмус». 17 американских кораблей станут на ремонт в ближайшие два месяца. 6-й флот будет использовать бывшую английскую военную судоремонтную верфь. Рейтер многозначительно добавило: «Пока что неизвестно, возьмут ли американцы под свой контроль береговые сооружения».

И это еще больше усилило тревогу в душах мальтийцев, которые понимают, что вовсе неспроста корабли и войска НАТО всерьез и надолго обживают старое каменное гнездо, которое во все времена использовалось не для мира — для войны. А как хороша была бы мирная жизнь здесь, ну хотя бы в самой Ла Валетте, о которой еще Вальтер Скотт написал: «Город, великолепный, как мечта...»

Мы долго стояли у красивой каменной аркады над шестидесятиметровым обрывом, прощаясь с городом. Впереди, слева, справа теснились могучие, поистине циклопические бастионы, зубчатые башни, чернели таинственные пещеры, шумели зеленые сады, красовались действительно великолепные, как мечта, замки, сооруженные мальтийскими и итальянскими архитекторами в XVII и XVIII веках. А внизу синело море, притихшее и ставшее таким послушным, таким ручным и немножко напуганным среди этих серо-желтых громад. Оно протиснулось сюда длинной извилистой сиреневой полосой, образовав Большую гавань, и сразу же воду придавили тяжелые и неуклюжие утюги чужих, заморских военных кораблей.

Четверть века тому назад здесь все гремело и содрогалось. Гитлеровцы яростно бомбили Мальту: только с 10 июня 1940 года до середины января 1942 года они совершили на нее 1 300 налетов. Лишь за пять дней в конце декабря 1941-го — начале января 1942-го сирены воздушной тревоги выли здесь триста раз. Но так крепко и солидно строили средневековые архитекторы, что фашистские бомбы лишь оцарапали Ла Валетту — они были бессильны изуродовать ее.

И все же мальтийцы по горло сыты войной. В сороковые годы они знали, во имя чего рискуют жизнью: это была оборона от страшного фашистского зверя, бросившегося на мирных людей. А какую роль готовят Мальте сегодня? Почему она должна рисковать самой жизнью, самим существованием своим, втягиваясь в подготовку агрессии против стран, которые ничего худого ей не хотят?

Наша «Литва» покидала Большую гавань ночью. Снова шел дождь, и золотые фонари разбрасывали свои блики по мокрому черному асфальту бесконечно длинной набережной. Пешеходов не было. Но по берегу мчались параллельно курсу «Литвы» десятки автомобилей с ослепительно белыми фарами. И каждые пятьдесят метров они круто тормозили, лихо разворачивались и дружно мигали нам фарами: точка — тире, точка — тире... Так проводили они нас до самого последнего мокрого камня Мальты, туда, где дальше ходу уже не было, где были лишь черный ночной прибой с белой пеной, крепко просоленный ветер да печально мигающий огонек маяка...

Зайчик — Л. Смирнова.

ДЕТСК… МУЗЫКА

Фроська — В. Солнцева.

ЛУННА…

О майолика, пестрая птица из сказки!
Эд. Межелайтис.

Врубелевская майолика раскрывается неискушенному зрителю не сразу. Вначале она выжидающе молчит, не хочет показывать своего очарования, как бы обижаясь на нашу неподготовленность и непривычку к нему.

Впервые войдя во флигель Абрамцевского музея, где собрано большинство майолик прославленного художника, зритель останавливается, озадаченный смелостью расцветок, странной, на первый взгляд даже капризной переливчатостью тонов. Это искусство кажется загадочным. И хотя ты чувствуешь, что оно тебя зацепило, но, выходя из мастерской, так и уносишь эту неразгаданную загадку в своей душе.

После этого полезно просто в раздумье побродить по парку, глядя, как наплывающие дождливые сумерки стирают очертания отдаленных предметов, как вынырнувший резкий оранжевый луч вдруг на мгновение заставит блестеть убегающую вдаль лиловую дорожку и сообщит тончайшую золотистую живость темным стволам деревьев, мокрой стене дома, палой листве. Хорошо спуститься вниз к Воре и минутку постоять на мосту.

Под мостом, прозрачно, изразцо-

Наталия САЦ

Фото И. Тункеля.

Кто музыки не носит сам в себе,
Кто холоден к гармонии
прелестной,
Тот может быть предателем,
лгуном...
Такого человека остерегись!

Это слова великого драматурга Вильяма Шекспира.

Замечательные слова: «Кто музыки не носит сам в себе...» Шекспир был убежден, что каждый человек, вернее, каждый хороший, полноценный человек должен знать, любить, носить в себе музыку. А если этого нет, в душе человека не хватает чего-то нужного, значительного. «Я никогда не стал бы художником, если бы с детства не полюбил музыку»,— говорит С. Т. Коненков.

ИЙ
ЛЬНЫЙ

Кто не знает, как любил музыку, верил в ее силу Владимир Ильич Ленин! В тяжелые годы изнурительной гражданской войны Владимир Ильич на Первом съезде комсомола (РКСМ) расспрашивал делегатов, в какие песни они влюблены, есть ли у них инструменты для самодеятельных оркестров?

У наших детей и юношества много хороших песен, все больше и больше становится музыкальных школ, часто проводятся концерты, обращенные к юным слушателям.

А что, если объединить слуховые впечатления со зрительными, которые так любят дети, если музыкальные образы вызвать к жизни на сцене? В единении музыки и театра — огромная воспитательная сила... Так возникла мысль о создании музыкального театра для детей — детской оперы.

Это было несколько лет тому назад. А недавно в Москве, на доме № 17 по улице 25-го Октября, появилась небольшая черная вывеска, на которой золотыми буквами написано:

«Московский государственный детский музыкальный театр».

Давайте заглянем в него. Широкая лестница в тисках строительных лесов. По проекту архитектора Е. Н. Чечик помещение капитально реконструируется, но уже сейчас в нем горячая, наполненная звуками жизнь.

Театр поет! Во многих комнатах-классах молодые певцы разучивают с концертмейстерами партии, большая группа балета занимается у станка, а в зале двадцать девять музыкантов — в большинстве своем тоже молодые — работают с дирижером. Все эти артисты в театр были приняты по конкурсу. Ведь многие из них только этой весной получили дипломы. Так что большинство словно самой природой предназначено играть сказки, воплощать роли детей, юношей, девушек и даже веселых зайчиков и озорных козлят.

А в детском музыкальном театре закономерны и такие образы. Наряду со школьниками средних и старших классов свой репертуар должны у нас найти и малыши. И все, что показывается на сцене, должно быть правдиво. Оперу, похожую на костюмированный концерт, дети не примут и уж, конечно, не полюбят. Им нужно живое действие, яркие, убедительные, правдивые образы. Наши артисты должны неустанно вести студийную работу: увеличивать сценическую выразительность, всегда быть, что называется, в полной форме.

Взрослые зрители снисходительнее детей, они за хороший голос простят оперной певице, исполняющей роли юной Татьяны и пастушка Леля, любые габариты. Но у нас, если зайчик поет, что он любит танцевать и кувыркаться, но не сможет этого сделать, дети на законном основании выразят ему неудовольствие. Быть артистом детского театра — дело очень нелегкое. Увы, наши средние и даже высшие музыкальные учебные заведения пока еще не уделяют должного внимания той синтетической выразительности, которая необходима артистам музыкального театра.

Да, задач много, и нелегких, стоит перед первым в мире детским музыкальным театром, и одна из них — репертуар. Ставить будем вначале лучшие из имеющихся детских опер — «Морозко» М. Красева, «Волк и семеро козлят» М. Коваля, но уже пишут для нас Т. Хренников, Д. Кабалевский, А. Спадавеккиа, И. Морозов, В. Фере, Л. Книппер... И в самом недалеком будущем, кроме опер-сказок, появятся оперы-были, воплощающие замечательные мечты нашего юношества, героические дела.

А пока наше здание ремонтируется, мы показываем спектакли на других сценических площадках.

Как замечательно слушают ребята музыку, как мгновенно затихают полторы тысячи голосов при первых же звуках увертюры!

В адрес нового театра уже приходит очень много самых разных писем от детей. Вот что пишут ребята из Дворца пионеров города Жданова: «С большой радостью поздравляем вас с рождением первого в мире детского музыкального театра... Мы решили тоже поставить детскую оперу «Кот в сапогах», чтобы учить ребят понимать и любить музыку, и просим вашего разрешения быть вашим спутником». Так стала реальностью мечта о создании детского музыкального театра, мечта о том, чтобы дети накрепко сдружились с музыкой.

Дуняша — Г. Свербилова, Морозко — М. Егоров.

я Волхова

П. ВОЛКОВ

во блестя, льются и льются тугие, перевитые струи Вори. Хорошо также пройти за Ворю, туда, где лесистый косогор, стать таким же неслышным, как вековые, спокойные ели, почувствовать, сколь необычно красива земля, пятнами поросшая густо-зеленым и беловатым мхом, пни, коричневые валуны...

И странное дело: во время этой прогулки вы вдруг обнаруживаете, что мысль ваша постоянно возвращается в разных связях к виденной вами майолике. Вы вдруг убеждаетесь, что оранжевый солнечный луч, так чудно преобразивший давеча парк, и заблестевшая лиловая дорожка, и привлекший ваше внимание в лесу мох, валуны и дремлющие пни, и сумерки — все это имеет какую-то странную и несомненную связь с майоликой; что прозрачная, иссиня-зеленая от игры неба, дна и водорослей речка льется, совсем уж в точности напоминая виденное... Кажется, еще немного, еще одно усилие вашего воображения, вашей памяти — и вы скажете, какую именно из майолик она вам напоминает. Мизгирь? Купава? Нет. Египтянка? Нет, не похоже... Волхова?

Волхова! Ну, конечно, же, Волхова!

Что можно увидеть сейчас, ночью?.. Но вы все-таки, прихватив карманный фонарик, спускаетесь к Воре и еще на середине склона, не видя реки, уже слышите ее торопливый разговор — бульканье, стеклянное позванивание, шелест... Снова мост. Вода черна и кажется глубокой, холодной и страшной; дна не видать, а лунный отблеск и слабый луч фонарика бегучие, робко дрожат на ее живой бессонной поверхности.

Ах, черт возьми! Так ведь перед вами та самая темная, почти черная, с серебристым отливом Волхова, что стоит на столике в гостиной, напротив «Девочки с персиками». Вы только что сидели перед ней и машинально разглядывали ее, таинственную, еще не полностью постигая ее смысл, еще не понимая, что перед вами ночная, лунная Волхова!

А днем? Днем речка была другой. Но тоже, вне всякого сомнения, — Волховой. Пожалуй, она была той бирюзовой, задумчиво-веселой и нежной, которую вы видели во флигеле... Ну, конечно же!

А коль скоро вы уверились во всем этом, загадка уже больше не загадка. Майолика покоряется вам.

Теперь вы проделали тот же путь, каким шел художник. Только вы шли как бы навстречу ему. Врубель шел от прекрасных образов природы к образам искусства, а вы — от искусства к природе, с тем чтобы с новым видением и пониманием вернуться к майолике.

Фигуры, в застывших своих формах как бы сохранившие природную текучесть влаги. Льдистая майолика, вызывающая в вашем воображении обильную сверкающую наледь у колодца в погожий зимний денек.

Майолика, полупрозрачная, непередаваемо нежная, розовая с голубым отливом,— как будто солнечный восход и голубизна неба в ней заключены...

Самая лучшая фотография может дать лишь самое отдаленное представление об этой сказке. Она не в состоянии передать ни точного цвета, ни блеска, ни особой, ни с чем не сравнимой мелодичности форм. Лель, Снегурочка, рельеф — скачущие персы, изразцовые печи с орнаментом из переплетшихся фантастических растений, камин с загадочным ликом фараона, раковина, Египтянка, декоративные блюда... И, пожалуй, самая лучшая из лучших, самая волнующая из волнующих — голова Девушки в венке с застывшей грустной полуулыбкой и ясным челом. Она столь же пленительна, столь же пластична и исполнена жизни и чувства, как знаменитая Нефертити. Кажется, вот-вот дрогнут, затрепещут пушистые ресницы, и она заглянет вам в душу. Такова волшебная игра теней. Такова сила настоящего искусства...

Врубель... Ищущий, страстный, страдающий, музыкальный и поэтичный художник. Он был таким не только в майолике. Или, вернее сказать, в майолике он остался таким же, каким был и в живописи.

Вглядываясь в окружающую природу, он постоянно грезил. Это свойство отличало его от большинства людей и многим было непонятно. Даже казалось странностью. Реальность принимала в его творчестве особую окраску, свои формы и тона. В бегущем по небу облаке, в снежных вершинах Кавказа он видел лик Демона и переносил его на бумагу, полотно или глину. Созерцая игру морской зыби, он чувствовал в ней Морского Царя и лепил его, отражая в его очертаниях неуловимые переливы морской волны. И точно так же — зеленоватые днем и темные ночью речные струи — переданы в вариантах его майоличной Волховы... Аромат сирени будил в его фантазии образ бледной девушки с черными волосами. Комель рухнувшей березы вызывал в его представлении образ сидящего Пана. А в сумраке наступающей ночи ему мерещились сказочные кони, вспугнутые фавном.

И нет ничего удивительного, что среди множества замечательных художников, подолгу живших в Абрамцеве, именно Врубель так самозабвенно увлекся майоликой.

У каждого мастера этого искусства были свои секреты. Никогда нельзя было предречь, какие именно оттенки и сочетания цветов получатся в раскаленных недрах печи... Надо было разведывать и разведывать, делать сотни попыток. Это была утомительная работа, требовавшая недюжинного терпения. Но таков уж был Врубель. Чуткая способность передавать мимолетное ощущение соединялась в нем с терпением; мятежность творчества — с точностью холодной фантазии; лихорадочный порыв — с длительным упорством в работе. И было в майоличном искусстве то, что примиряло Врубеля со всеми накладками и тяготами. Тончайшее изменение технологии порой давало скульптору ту бесподобную расцветку — ту самую, искомую, которая и вознаграждала художника за все неудачи.

«АКА

Ю. КРИВОНОСОВ

— К нам нужно летом приезжать,— уверяли меня в новосибирском Академгородке.— Летом у нас благодать, а зимой ничего интересного не увидите. И в подтверждение этого показали кинофильм, опрокидывающий все обычные представления о Сибири. Не буду пересказывать его содержание, но более всего меня удивили кадры пляжа — широкого песчаного берега Обского моря. Берег, мало отличающийся от сочинского, ялтинского или другого черноморского курорта. Та же плотность населения, такие же смуглые от загара тела...

Однако фильм меня не убедил: зимой Академгородок оказался тоже уютным, интересным. Впрочем, городком его теперь называют по старой памяти: это уже не городок, а целый город, очень оживленный и по всему своему облику современный. И только приставка «академ» не потеряла своей значимости.

С окончанием рабочего дня наука здесь не остается в стенах института — она упрямо вторгается в отдых. Стоит собраться друзьям на день рождения, или в клуб-кафе «Под интегралом», или просто заглянуть к соседу на огонек, тотчас же возникнет спор или беседа, в которых непосвященный ни слова не поймет. И зачастую в эти часы рождаются идеи весьма ценные. Это, так сказать, академ-отдых. Такое общение ученых самых различных областей

◀Лаврентьев-первый и Лаврентьев-третий.

Морской проспект. Не правда ли, в этом есть что-то южное!

ДЕМ»-СИБИРЬ

знаний, пожалуй, одна из характерных примет новосибирского научного центра.

А быт отличается тем, что сами-то люди на него мало обращают внимания, в основном пользуются услугами соответствующих учреждений, предпочитая отдавать свободные минуты спорту, музыке, живописи, поэзии... Народ тут в основном молодой и жизнерадостный. Многие здесь же и поженились. Бабушки—редкость, семья, имеющая бабушку, считается сверхблагополучной. Поэтому вам могут запросто подкинуть на вечер ребенка и укатить в кино или театр, это считается в порядке вещей: завтра вы сами кому-то подкинете свое чадо, и его будут терпеливо нянчить... Таков академ-быт.

Основная страсть жителей городка — книги, и научные и художественные. Стоило книжному магазину закрыться на две недели из-за переезда в новое помещение, как после этого очереди были колоссальные. Магазин в два дня выполнил месячный план. И если здесь употребить выражение «лирики и физики», то это будет не противопоставление, а сплав.

А на зиму они зря нападают... Впрочем, это не только мое мнение. Мне случилось ехать по заснеженным улицам в машине, за рулем которой сидел академик Лаврентьев. И я спросил его, что он испытывает, когда едет по Академгородку. Михаил Алексеевич улыбнулся и ответил одним словом:

— Удовольствие!

На улице мороз, а в клубе-кафе «Под интегралом» жаркие дискуссии.

Футбол — игра круглогодичная.

Проза и поэзия.

СПАСЕННЫЕ СОКРОВИЩА

Ванда БЕЛЕЦКАЯ

Когда в 1649 году митрополит Никон хотел перестроить новгородский Софийский собор, сломав внутри него столбы, горожане подняли восстание. Сначала они предупредили своего духовного владыку: не тронь старину, оставь замысел древнего архитектора в неприкосновенности, не губи красоту. Но Никон был крутого нрава, он решил поступить посвоему. И тогда новгородцы подняли восстание. Митрополит уступил. Собор остался в неприкосновенности.

Так и стоял он и другие памятники Великого Новгорода много веков, до начала Великой Отечественной войны.

Фашистские варвары устроили конюшню в Софийском соборе, разрушили купол со знаменитой фреской Спасителя. В храме Спаса Преображения немецкие отряды сделали оборонительный пункт: пробили в стене амбразуры, безжалостно уничтожив фрески, копоть от костров черным одеялом закрыла изображение Пантократора, созданного могучей кистью Феофана Грека.

Они превратили в руины замечательный памятник древней живописи и архитектуры — Ковалевскую церковь.

...Двадцать лет лежит Ковалевская церковь в руинах. И, казалось, не было возможности восстановить ее. Правда, архитекторы говорили, что внешний вид можно воссоздать. Есть фотографии, планы, чертежи, обмеры. Но основная ценность заключается даже не в архитектуре здания, а в росписях, покрывавших стены. Искусствоведы утверждают, что тут древняя новгородская школа живописи столкнулась с сербской и, причудливо преломившись, вылилась в своеобразные, отмеченные печатью неповторимой прелести и выразительности фрески. Кисть художника других времен (церковь построена шесть столетий назад!) не касалась их, они сохраняли первозданную свежесть красок. Уникальная живопись осыпалась от разрывов вражеских бомб и, казалось, безвозвратно погибла под обломками церкви.

Так думали все. Однако нашлись несколько человек в Новгороде и в Москве, которые с этим не согласились. Они составили несколько необычный план, решили восстановление росписи начать с археологических раскопок. Так создалась маленькая бригада художников-реставраторов, химика Всесоюзной реставрационной мастерской под руководством А. Грекова; археологов из экспедиции члена-корреспондента АН СССР А. В. Арциховского. Это важно: все виды работ идут одновременно. Археологи проводят на месте развалин раскопки, художники и химик-реставратор тут же складывают найденные фрагменты и сразу склеивают их, укрепляют буквально рассыпающуюся под руками живопись. Ведь прежде чем начать работать, они досконально, по копиям и описаниям, изучили древнюю роспись Ковалевской церкви.

А еще раньше, во время предварительных работ, художник Лев Кузнецов нашел кусок фрески с удивительной по силе выразительности женской головой. Вы видите ее на цветной вкладке.

В тот день работали как всегда. Лев вел раскопки в северо-западной камере. К концу дня стали попадаться большие фрагменты с изображениями одежды, орнамента. Все отправились домой, а он решил еще поработать и не заметил, как постепенно стемнело. Он разбирал кирпичи, камни. Тыльной стороной лежал большой кусок фрески. Художник повернул его, и прямо ему в глаза спокойно глянуло страдающее женское лицо. («Я думал, померещилось»,— рассказывал после Кузнецов.) Художник сразу узнал ее — как старую знакомую, которую мечтал встретить.

Найденная фреска осыпалась от каждого дуновения ветра. Церковь на ночь не закрывалась, и художник боялся, что утром кто-либо войдет в нее и нечаянно наступит на роспись. Оставлять ее тут было опасно. Художник осторожно завернул обломки в вату.

Обычно, возвращаясь с раскопок, художники голосовали на шоссе. Машины, идущие в Новгород, забирали их. Ковалевская церковь недалеко, но все же километров пять наберется. В ту ночь Кузнецов решил не голосовать. Вдруг машину тряхнет на повороте и найденный кусок фрески... Об этом даже страшно было подумать. И он пошел по обочине шоссе навстречу огням Новгорода.

Михаил Татаренко (товарищ Льва) проснулся от скрипа открываемой двери. Он вскочил недовольный, что его разбудили, сонный, взлохмаченный, и вдруг увидел фреску, которую Лев не знал, куда положить, и наконец осторожно опустил на подушку. И до утра молча сидели два художника, сыны двадцатого, атомного века, а с примятой подушки смотрело на них лицо женщины, рожденной шесть столетий назад талантом неизвестного живописца. Это была реальная, земная женщина, испытавшая и преодолевшая большое горе. Какое, они не знали, но оно волновало их, молодых художников, так же сильно, как того, древнего, кто вызвал ее к жизни...

Фреска лежит на белом листе бумаги. Осторожно, едва касаясь ее, химик-реставратор Валентина Грекова пропитывает живопись укрепляющими составами.

— Мы даже не делаем ставку на такие крупные находки,— говорит она.— Я убеждена, что нам удастся воссоздать роспись буквально по крохам. И тогда архитекторы смогут взяться за восстановление самого здания. В нем будут экспонироваться найденные фрески. Ведь монументальная живопись нигде лучше не смотрится, чем в той обстановке, для которой была создана.

В голосе Валентины звучит счастливая уверенность. Даже если ничего больше не удастся найти, фреска будет стоять в музее среди лучших образцов древней живописи. И все-таки... двадцать лет лежали фрески под обломками. Их поливали дожди, засыпал снег, и не было над ними даже крыши (ее поставили лишь два года назад). Может, начнись реставрационные работы в Ковалевской церкви пять — семь лет назад, ее роспись, известная нам по копиям, была бы куда в лучшем состоянии.

В восстановленном из руин храме Спаса Нередицы XII века (он был разрушен фашистами почти так же, как Ковалевская церковь) вот уже много лет осыпается фресковая живопись талантливых мастеров новгородской школы.

— Несколько лет назад мы просили поручить нам укреплять оставшиеся росписи,—рассказывал один художник.— Нам ответили: «У вас еще мало опыта». Все правильно. Работа серьезная, а опыта у нас действительно было мало. Но ведь реставрацию можно поручить другим художникам. Однако шли годы, и никто не брался за фрески Нередицы. Теперь говорят, что, может быть, на будущий год дадут укреплять их нам. Мы приобрели опыт реставраторов, да вот многие росписи не дождались этого, осыпались...

Не вредно бы большее внимание уделить и древним Юрьеву и Хутынскому монастырям и Ярославову дворищу, находящимся далеко не в идеальном состоянии.

Это тем более обидно, что кому-кому, а новгородцам не занимать любви и бережного уважения к своим всемирно известным памятникам колыбели земли русской.

В церкви Спаса Преображения художники Юрий Новиков, Игорь Шелковский, Михаил Татаренко укрепляют сохранившиеся фрески. Они осторожно сняли с купола копоть, вернули к жизни грозный и мудрый лик, созданный Феофановой кистью. И лишь маленький прямоугольник копоти от вражеских костров, специально оставленный реставраторами, кричит о том, что было.

Хотя работы еще не закончены, сотни туристов подходят к церкви и на разных языках, но с одинаковой интонацией упрашивают разрешить хоть одним глазком взглянуть на роспись.

Сердце не камень. И туристы по очереди взбираются зыбкими ступеньками лесов под самый купол, чтобы в завидной близости увидеть суровую одухотворенность совсем не божественного лика Спасителя, созданного бунтарем и великим художником мира Феофаном Греком.

Полностью восстановлен Софийский собор, закончены реставрационные работы возвращенных на родину икон, вывезенных фашистами во время войны. И скоро, очень скоро редкое собрание древней иконописи займет в Софии свое законное место.

...Когда я думаю о Новгороде, то вспоминаю две его окраины, две стройки. Огромный химический комбинат со светлыми цехами, самым современным оборудованием и музей древней деревянной архитектуры, музей под открытым небом.

На отлогом берегу Волхова уже появилась Курицкая церковь, смело вонзающая шпиль в серое зимнее небо. Скоро сюда, к древним стенам Юрьева монастыря, переедут сохранившиеся деревянные избы с резными украшениями, мельницы, бани, старинные сооружения земли Новгородской. В домах появится незамысловатая утварь, прежняя жизнь как бы наполнит деревянный город, станет живой историей, сохраненной для потомков. И будем мы входить в него, воочию узнавая людей, создавших всю эту красоту, живших тут, ощущая свое кровное с ними родство.

Украшение из цветной эмали, хранящееся в Грановитой палате Новгородского кремля.

Ее создал неизвестный живописец шесть веков назад...

Сохранившийся до наших дней подлинник грамоты, данной князем Мстиславом около 1130 года Юрьеву монастырю.

Фото Г. Копосова.

Старт!..

Фото Л. Бородулина.

Улыбнитесь, капитан!

Вл. ПАВЛОВ

Яуза, такая безобидная на вид московская речка, по весне ведет себя довольно подло.

В тот день, о котором я хочу рассказать, начальник строительства, сославшись на какое-то дело, уехал с самого утра, главный инженер был в отпуске, и я волей-неволей оказался козлом отпущения.

Шел проливной дождь. Река вздулась, выгнулась пенным валом у старого, построенного в прошлом веке мостика, который мы еще не успели снести, билась о кирпич арки, подступала к перилам, грозила вот-вот перехлестнуть через проезжую часть, прервать движение, затопить улицы. А дождь, как назло, не унимался.

С обеда на строительную площадку начали прибывать представители райисполкома, Моссовета, административной инспекции, милиции и пожарной охраны. Они стояли под навесом возле моей прорабской. То один, то другой подзывал меня к себе: «Как же это допустили... Принять меры...» И всякий раз я терпеливо объяснял, что меры приняты, что главное сейчас — не допустить образования затора, что сделано все возможное: в опасных местах расставлены рабочие с баграми, наготове взрывник с зарядами аммонала, на случай, если затор все-таки будет...

Часа в четыре на строительную площадку приехал высокий, плотный человек с погонами генерал-директора пути и строительства второго ранга. «Начальник главка!—пробежало по берегу реки.— Ну, этот сейчас даст!..» Хмурясь, генерал прошел к реке, с минуту смотрел, как монтажники, орудуя баграми, распихивают несущиеся по реке доски, бревна, разбитые ящики. Потом прошел в прорабскую. Через минуту меня потребовали туда же.

Когда я, вымокший до костей, облепленный грязью, волоча на каждом сапоге по пуду глины, вошел в нашу маленькую каморку, начальник главка сидел за моим столом, грубо сбитым, до блеска вылощенным рукавами, испещренным схемами, цифрами и кляксами. Остальные сидели на лавках или стояли вдоль стен. Наступило молчание, я догадался: речь шла обо мне.

Начальник главка поднял тяжелые глаза, посмотрел на меня пристально и сурово, приказал:

— Докладывайте!

Тут меня прорвало: не выдержал, видно, многочасового напряжения. Я вдруг топнул так, что те, кто сидел на лавках, подобрали ноги, уберегая брюки от брызг глины. Я заорал, что мне уже переели все кишки своими идиотскими замечаниями и что я требую, чтоб посторонние немедленно убирались ко всем чертям!.. Да, да, и генерал вместе со всеми!..

На меня замахали руками, ко мне бросились, чтоб заставить замолчать.

— Стойте! — громко скомандовал генерал.— Дайте человеку выговориться!..

Но я уже все сказал.

Генерал некоторое время разглядывал меня в упор, наконец негромко сказал:

— В гости я вас к себе, пожалуй, не пригласил бы: крикливы больно... А в остальном, что ж... Прораб прав. Нам лучше разъехаться. Пусть действует прораб!..

Начальник главка встал и направился к выходу. За ним потянулись остальные. Последним выбрался из прорабской референт начальника главка, он прошипел:

— Еще покаетесь!

С паводком в тот раз в общем обошлось. Но меня не покидало ощущение, что каждый встречный провожает меня сочувственным взглядом. Жалели. Всякий приказ, вывешенный на доске объявлений, я перечитывал трижды, отыскивая в нем скрытый смысл. Если меня за чем-нибудь вызывали к начальнику строительства или в отдел кадров, я внутренне весь подбирался, работа валилась из рук. А ночью, как ни уставал, не мог сомкнуть глаза, сверлила мысль: «Съедят. Все равно съедят...»

Но прошла неделя, другая, а ничего особенного не случилось. Потом из главка пришел приказ: участникам борьбы с паводком объявлялась благодарность. Среди многих фамилий значилась и моя.

Рассказал я это все к тому, что считаю: главная черта настоящего руководителя—умение стать выше личных обид, когда речь идет о деле. И никакая кипучая энергия, никакие знания не могут заменить эту черту, культуру поведения старшего по должности. Мелочность характера, стремление «все припомнить» редко уживаются с талантом организатора. Чаще всего «страшная месть» подчиненному вьет себе гнезда в душах людей неумных, все помыслы которых направлены к одному — удержать ту малую толику власти, которая перепала на их долю. Такие люди ничего не прощают, ничего не забывают, оберегая, как они любят выражаться, свой авторитет. В коллективе, где есть подобные руководители, очень скоро заводится гниль, появляются группировочки, расцветают подхалимаж и угодничество. Дело, интересы государства заслоняются сведением личных счетов, склоками, наушничеством. И уж тогда коллектив начинает лихорадить. Разбирательства следуют одно за другим. И случается, что надламываются, рушатся судьбы честных, прямых людей...

Прошлым летом в редакцию «Огонька» обратился капитан теплохода «Бучма» Владимир Васильевич Карплюк. Десять лет работает Карплюк в Херсонском речном порту. Шесть из них отбивается от нападок руководства порта, которое во что бы то ни стало желает, как говорят моряки, «схарчить» капитана... За что?

В марте пятьдесят девятого Владимир Васильевич Карплюк был назначен на теплоход «Микитенко». Теплоход он принял в весьма плачевном состоянии: замызганный, грязный, с обшарпанными салонами, с потеками ржавчины на корпусе. Но это не смутило капитана, он был уверен, что вместе с командой сумеет привести судно в порядок. А порядок капитан Карплюк любит морской. Недаром он окончил мореходку и некоторое время плавал на больших кораблях в Черном море. Лишь болезнь заставила его перейти на более береговую работу, в речной флот...

Итак, капитан Карплюк принялся наводить порядок. Еще не бывало, наверное, капитана, который бы с таким усердием, не жалея времени и сил, драил и красил судно собственными руками. Увлеченная его примером, команда во всем помогала ему. Вскоре теплоход «Микитенко» оказался лучшим судном Херсонского речного порта. Его команде первой в порту было присвоено почетное звание экипажа коммунистического труда. Имя капитана Карплюка не сходило с доски почета и с доски лучших рационализаторов порта. Он был занесен в Книгу почета. Премии, благодарности сыпались на капитана и команду теплохода. Они заслуживали их по всем показателям: по безупречному состоянию судна, по выполнению и перевыполнению плана перевозок, по высокому уровню обслуживания пассажиров, по безаварийной работе...

Так было три года. И, наверное, так оно и было бы до сих пор, если бы не пошел Карплюк на крутой поворот в личной жизни: он развелся с женой. А бывшая супруга капитана была еще и начальником отдела кадров Херсонского речного порта. А когда на тебя обижен сам «кадровик», тут уж хорошего не жди. Бывшая жена имела обширные связи, к ней прислушивался и партком, и местный комитет, и руководство речного порта.

Разумеется, в наши дни не найдешь такого самодура-начальника, который бы, стукнув кулаком по столу, заорал: «Ах, ты со мной не согласен? Критикуешь? Так я сейчас с тобой расправлюсь!..» А дальше строчит приказ об увольнении. О, таких теперь нет. Наше время меняет многое, заставляет оно меняться и бюрократа, самодура, которому удалось взгромоздиться на руководящий стул и который отлично понимает, что старый номер не пройдет. И уж ежели который из самодуров и возымел желание расправиться с неугодным подчиненным, то он действует новыми методами, куда более современными, изощренными. Не сразу, исподволь подбираются союзники, копится «компромат» — всякий материал, который якобы компрометирует намеченную жертву. И, лишь подготовив исходные позиции, наносит первый удар. Первый, потому что расправиться одним ударом тоже опасно. Могут ведь сказать, что ты сам не помогал человеку, не пытался его воспитывать. Ну, а когда такие удары следуют один за другим, тут уж никакой КЗОТ, никакой комар носа не подточит. И тогда остается лишь изобразить на лице грустную улыбку, с притворным огорчением развести руками и вздохнуть: боролись, мол, за человека, подправляли, подсказывали... Не отреагировал, повел себя неправильно...

Вот так же, придравшись к пустяку, заместитель начальника порта товарищ Иванов снял капитана Карплюка с должности и на-

правил его помощником в резерв. Естественно, Карплюк возмутился, пожаловался в прокуратуру, в пароходство и, естественно, был восстановлен в должности капитана. Но... прошло какое-то время — и Карплюка вновь снимают с должности, переводят на буксир «Рица». Тут Владимир Васильевич Карплюк понял, что его хотят «схарчить». И никто ему в те нелегкие дни по-дружески не спел: «Капитан, капитан, улыбнитесь!..» Карплюк начал готовиться к бою.

Вот тогда-то и получила начало грустная коллекция защитительных документов, собранных Карплюком, которая ныне дает повод некоторым людям, не сумевшим или не пожелавшим разобраться в причинах возникновения «коллекции», считать капитана склочником, кляузником. А Карплюк тем временем снова и снова обращается за помощью. В горком партии, в редакцию республиканской «Рабочей газеты». Пока идет разбирательство, Карплюк не теряет даром времени и приводит в идеальный порядок буксир «Рица», который принял тоже не в лучшем виде. По настоянию горкома партии Карплюка восстанавливают в капитанских правах и назначают командовать теплоходом «Олекса Десняк». Кажется, все в порядке. Но не тут-то было. Кое-кто чувствует себя ущемленным тем, что Карплюк «взял верх». В редакцию «Рабочей газеты» летят лживые письма, которые вопреки здравому смыслу и фактам льют грязь на капитана.

Газета вынуждена была вступиться за Карплюка еще раз. Херсонский горком партии подтвердил свое решение о восстановлении Карплюка в прежней должности. И недоброжелатели капитана на некоторое время снова были вынуждены притихнуть. Но они не смирились. Они копят «компромат» и ждут своего часа...

Между тем капитан Карплюк, как ни жалко ему было расставаться с командой «Микитенко», с которой он так хорошо работал в течение трех лет, засучив рукава вновь принимается за дело. И вновь добивается успеха. Теплоход «Олекса Десняк» становится одним из лучших в порту. Его команде присваивается звание экипажа коммунистического труда имени XIII съезда профсоюзов СССР. В актах технических комиссий пароходства, совершающих осмотры судна, регулярно отмечается его прекрасное техническое состояние. План перевозок перевыполняется. График выдерживается точно. Нет ни аварий, ни простоев. Капитану Карплюку кажется, что он может спокойно работать, да и с командой он успел крепко сдружиться.

Однако время от времени происходят события, заставляющие его настораживаться и держать в своей пороховнице — в папке с документами—порох сухим. С тех пор, как Карплюк перешел на «Десняк», план перевозок становится выше. Если благодаря усилиям команды корабль досрочно выходит из ремонта, то число перевезенных пассажиров распределяется на все рейсы. Другим судам — только на те, что совершены, начиная со дня окончания ремонта по плану. А чем ниже процент выполнения, тем ниже премия команде. «Десняку» стали выделять куда меньше материалов— краски, сурика, шпаклевки, олифы. А случись капитану совершить хоть малейшее упущение, которое у другого никто и не заметил бы, немедленно появляется грозный приказ...

Словом, у Карплюка были основания ждать новой беды. И он не ошибся. Не поладил Карплюк со своим главным механиком. Не будем вникать в подробности ссоры. Карплюк — живой человек, и у него, как у всякого человека, есть недостатки. Как бы там ни было, но у капитана нашлись достаточно веские причины быть недовольным главным механиком. В свою очередь, тот подал жалобу на капитана начальнику порта. Для разбора дела была назначена комиссия, которая установила, что команда «Десняка» раскололась: семь человек стояли за капитана, один — за главного механика. Логично, казалось, было бы перевести механика на другой теплоход, чтобы восстановить мир на «Десняке». Тем более что игра стоила свеч, судно, как я уже говорил, было одним из лучших в порту, о нем писали в газетах и рассказывали по радио. Но руководство порта решило иначе: удалили с «Десняка» обоих.

Я спросил у заместителя начальника порта товарища Иванова:

— Есть ли у вас претензии к Карплюку как капитану?

— Нет, претензий нет.

— В чем же провинился Карплюк?

— Ни в чем.

— Почему его перевели на другое судно?

— Такова производственная необходимость...

Более вразумительного ответа ни у кого мне получить не удалось. Ни в партбюро, ни в месткоме. Однако ответ дала сама жизнь. Команда теплохода «Бучма», на который перевели Карплюка, недовольна тем, что от них забрали прежнего капитана товарища Орленко. А команда «Десняка» требует, чтоб ей вернули Карплюка. Обе команды обратились с жалобами в вышестоящие организации. Так было сделано все, чтобы угольки склок не гасли.

Особенно плохо приходится сейчас капитану Карплюку. «Бучма» — шестое судно, на которое он переведен за последние пять лет. И впервые ему не удалось сдружиться с командой. Скорее всего потому, что Карплюк пребывает в состоянии крайнего нервного напряжения, подчас излишне резок и официален. А команда помнит прежнего капитана. И затравленный Карплюк продолжает усиленный сбор защитительных документов. Он стал подозрителен, насторожен и даже в самых обыкновенных поступках товарищей готов усмотреть подвох...

Словом, жизни Карплюка не позавидуешь. И вот тогда-то я и вспомнил тот паводок на Яузе и умного, культурного начальника главка. Видно, руководители речного порта не желают по достоинству оценить качество отдельных людей. В ущерб порученному делу, наперекор всей логике нашей сегодняшней жизни никак не могут они подняться выше собственных мелочных обид и счетов. Подняться и сказать: хватит!

Херсон.

ПОЧЕМУ ОНА НЕ ПИШЕТ?

Рассказ

Владимир ТУМАНОВ

Я часто забываю свои вещи. Оставил где-то и авторучку. Но, зная свою рассеянность, я еще при покупке нацарапал на ней номер домашнего телефона. В семь часов вечера в моей комнате раздался телефонный звонок. Я снял трубку. Басовитый мужской голос спросил:

— Это вы оставили на почте авторучку с нацарапанным телефоном?

— Да, это моя авторучка. Вы хотите мне ее вернуть?

— С чего вы взяли?

— Как с чего? А зачем же вы звоните?

— Я хочу узнать, почему она не пишет.

— Ну, знаете! — От возмущения я ничего не мог больше сказать и бросил трубку.

Через полчаса, когда я начал мыться в ванне, телефон зазвонил опять. Я торопливо смыл с себя мыло, надел халат и подошел к телефону. Обладатель моей авторучки настаивал на том, чтобы я объяснил, почему она перестала писать. Я повесил трубку. Но звонок повторился.

— Вероятно, в ней кончились чернила,— сказал я, чтобы он от меня отвязался.

Через некоторое время, когда я вернулся в ванну, телефон вновь зазвонил.

— Я проверил,— сообщил мне тот же голос.— Чернил еще много, а ручка не пишет. Вы должны знать, почему.

— Прочистите перо,— посоветовал я.— И оставьте меня наконец в покое.

Немного погодя снова звонок:

— Я вычистил перо до блеска, а ваша ручка все равно не пишет. Почему?

— Не знаю.

— Вы что же это?— возмущенно загремело в трубке.— Подсовываете людям испорченные авторучки и еще издеваетесь? Безобразие какое!

Я положил трубку. Но телефон продолжал беспрестанно трезвонить. В двенадцать часов ночи я, исчерпав все свои знания о дефектах авторучек, предложил пощелкать по ней пальцем.

В час ночи звонок поднял меня с постели. Новый владелец моей авторучки сообщил, что после щелчков ручка стала писать, он написал уже несколько писем и благодарит меня за советы.

Теперь я не пишу на своих вещах номер телефона.

ЯЗЫК ЦВЕТОВ

Рассказ

Бошко ДУКАНАЦ

Про язык цветов в первый раз услыхал я, когда покупал букет цветов своей девушке. Продавец, взглянув на выбранные мною цветы, воскликнул:

— Айя-яй! Покупаете девушке, которую любите, желтые цветы?! Ведь желтый цвет — это ревность, измена!.. Дорогой мой, разрешите мне посоветовать вам нечто другое, более подходящее. Скажем, две красные гвоздики и одна роза. Это на языке цветов значит: «Я люблю тебя!»

Я был просто поражен... Так вот он каков, тайный язык влюбленных!..

И я сразу вспомнил и романтических трубадуров и благородных дам, заточенных мужьями в мрачные стены замков. Целые долгие дни и ночи проводили они, занимаясь цветочной литературой. Красный и голубой цветок: «Приходи, милый, мой муж уехал наконец в командировку — в крестовый поход!» Два синих цветка: «Беги, дорогой! Муж перехватил твой букет!» Горизонты мои становились бескрайними! Я нагнулся к продавцу.

— Это великолепно! — сказал я.— А могли бы вы добавить еще несколько слов? Например: «Я тебя безмерно люблю!» Это звучало бы убедительнее.

— Конечно! — ответил он.— Вот, пожалуйста, две гвоздики, две розы и листочек папоротника.

— Это очень интересно! А не могли бы вы добавить еще кое-что?

— Что, например?

— Попробуйте сделать так, чтобы букет говорил: «Я тебя безмерно люблю, скажи своему отцу, чтобы дал нам на завтра свою машину».

Продавец быстро собрал новый букет.

Рисунки В. Воеводина.

Экзамен в школе поваров.
— Ну, конечно, опять провалился.

— Слушай, дочка, купил я вчера у вас безразмерные носки...

Рисунки О. Теслера.

Без слов.

— Дергаю!
Как обернется — бей!

— Пожалуйста! Две гвоздики, пять роз, пучок подснежников и один кактус...

— Простите, но зачем же кактус?

— А кактус — это ее папаша...

— Отлично... А зачем вы добавили три веточки можжевельника?

— Это же запятые, друг мой! — удивленно и укоризненно воскликнул продавец.— Разве можно пренебречь пунктуацией? Итак, пятнадцать слов по пятьдесят динаров плюс пунктуация. Округлим — с вас ровно тысяча динаров!.. Спасибо, приходите почаще!..

Так я изучил язык цветов. Я был счастлив. Вместо писем я теперь посылал своей любимой цветы, и она отвечала мне таким же образом.

Первое время, признаюсь, словарь мой был довольно беден. Содержание писем сводилось к таким, например, лаконичным фразам: «Люблю тебя, ключ под дверным ковриком» или: «Приходи, есть билеты в кино»,— но позднее, когда мы уже повенчались, язык у меня развязался, и я был уже в состоянии производить довольно сложные лингвистические операции. Несколько лет, прожитых мною в браке, окончательно усовершенствовали наши познания, и мы с полуслова, можно сказать, с одного цветочка, прекрасно понимали друг друга. Так, например, оставленный мною жене нарцисс с двумя-тремя оторванными лепестками означал: «Когда ты наконец соберешься пришить мне пуговицы на рубашке?»,— а экземпляр засушенного, сплюснутого цветка из гербария: «Брюки-то у меня опять не выглажены»...

Самая интересная переписка происходила все же тогда, когда я на ночном столике находил листья полыни. Это означало: «Сегодня к нам в гости придет моя мамочка!» Я шел в магазин и покупал букетик цветов, которые называются «львиный зев», и мой ответ недвусмысленно говорил: «Я так счастлив! Вот повеселимся...»

В ответ я получал обычно пучок крапивы, завернутый в туалетную бумагу. Жена писала мне: «Если тебе не нравится мамочкин визит, можешь удалиться на чердак».

Я брал подушку, одеяло и тащился на чердак, чтобы там, на покое, почитать газеты. Однако, когда я спускался после тещиного ухода вниз, я частенько заставал на столе изысканную лингвистическую фигуру: два-три уголька, завернутых в лист тропической пальмы. Это означало: «Обед сгорел, отправляйся в столовую!»

Первые несколько лет нашего брака я не воспринимал всего этого трагически, но когда в нашей комнате накопилось столько полыни (ее мамочка нас очень любила), что я мог бы открыть довольно большой рассадник этого добра, я понял, что сыт по горло... Я нарвал сколько мог крапивы, скупил в цветочном магазине все кактусы и положил все это в постель. Мое последнее послание на языке цветов гласило:

«Хватит! Не хочу больше ни тещи, ни брака, ни цветов! Приветик твоему папаше! Ухожу к своему папочке!»

С сербскохорватского перевел Г. МАРКОВИЧ.

Рисунки Б. Савкова.

Связка налимов

Сергей ВОРОНИН

После крепких морозов, каких давно уже не было в наших местах, наконец наступило потепление.

Я еле втиснулся в вагон; всюду виднелись рыбаки с пешнями, напоминая древних воинов с пиками, алебардами. Сам по себе я рыбачок еще начинающий, поэтому вполне объяснимо было мое жадное внимание к каждому из них: и опыт больше и места они знают. Я изо всех сил старался придвинуться к ним как можно ближе.

Мое внимание привлек старик в меховой шапке, в распахнутом полушубке, энергичный, с чуть хрипловатым голосом.

— Ну, хорошо,— говорил он, обращаясь к своему соседу по лавке, молодому, вроде меня.— Вот ты едешь на рыбалку. А чего ты хочешь пымать?

— А что попадет,— беспечно ответил парень.— Плотва — гоже! Окунь — гоже!

— Плотва! — оживился старик.— А как ее взять, знаешь?

— А чего знать! Мотыль есть, тесто тоже...

— И что?

— Ничего. Буду ловить.

— И думаешь, пымаешь так-то? А подкормку взял?

— Булку накрошу.

— Булку,— крутнул головой старик.— Зачем же ей булку? Ей пахучку надо!

— Какую еще пахучку?

— А такую: семянок жареных перетолочь, манки, толокна чуток, ванили кроху. И все это перемешать с пшенкой. Вот тогда она придет, будет толочься у твоей лунки. А так-то что булка? Ты лучше съешь ее сам, булку-то свою, больше проку будет.— Старик снисходительно засмеялся.— Ее, рыбу, тоже надо знать, как увлечь. А окуня чем манить, знаешь?

— Блесной, чем же еще...

Я хотел было протиснуться поближе, но меня не пустили. Вокруг старика столпилось уже рыбачков десятка полтора, не меньше, так что даже в вагоне стало попросторнее.

— Блесной ловить, а манить чем станешь, спрашиваю тебя? Не знаешь? Плохо! А ведь дело самое обыкновенное. Землей. Взял в мешочек горстей пять земли и посыпай в лунку время от времени тонюхонькой струйкой, вот и весь секрет. Окунь любит всякую муть, а особо зимой, когда вода стоячая. Это сразу его привлекает... Опять где же ты думаешь брать окуня?

— На глубине, где же еще,— не слишком уверенно ответил парень.

— Ну и лови там, если хочешь домой налегке идти,— и то выгода! У берега брать его надо,— вразумляюще пояснил старик.— У берега он в оттепель! А нынче как раз оттепель. По траве шныряет... Ну, а леща взять хочешь?

— Если попадет, не откажусь...

— Попадет... Так вот он сам к тебе и попадет. Его тоже надо умеючи позвать. И на что же ты его ловить думаешь?

— На что клюнет,— стеснительно улыбнулся парень.

— Ха! — со смехом выдохнул старик.— Нет, ты скажи, куда собрался-то? Может, в рыбную лавку или к теще на уху?— Он оглядел окруживших его рыбачков.— Ну, кто знает, как лучше леща призвать?

— Он тишину любит,— отозвался один.

— Само собой, не дрова рубить на лунке... Так кто знает, как леща завлечь, чтоб пришел он и взял твою наживку?

— Подкормить надо...

— Верно! А чем?

Подъехали к Токсову, и часть рыбачков вышла. Сделалось попросторнее в вагоне, но вокруг старика кольцо стало еще плотнее.

— Ведь вот ты вроде человек серьезный,— обратился он к парню,— едешь... Куда едешь?

— В Васкелово.

— Во куда, далеко забираешься. Так как же ты так непродуманно собрался? Тут надо все учитывать, но всякой рыбе быть готовым. Вот, скажем, щуку без живца взять можешь?

— Поблеснить если...

— Понятно. А в какое положение блесну огрузишь?

— Чего?

— В какое положение, говорю, блесну огрузишь? У дна, или вполводы, или сподольда!

— Там, на месте, видно будет. И так можно и так...

— Ну-ну, давай, вот щук-то натаскаешь! — засмеялся старик.— А финский способ знаешь? Нет. А кто знает? — Он оглядел внимательно уставившиеся со всех сторон на него глаза.— Никто не знает... Плохо!

— А вы поделитесь,— попросил я.

— Поделиться можно, не жалко. Со дна — вот как! Надо блесну положить на дно и чуть приподымать край, и все. Создать вид, что рыбка в бессилии. Тут щука как раз ее и ухватит. Закон природы. Борьба за существование к тому же: сами понимать должны, в зимнем состоянии каждая водная тварь малоподвижна. Кислороду недостача. Поэтому и надо только чуть пошевеливать блесну.

— Это интересно,— не скрывая восхищения, сказал молодой рыбачок,— надо учесть. Спасибо!

— Не жалко, пожалуйста... Кстати, может, кто на ночь останется, то налима драть надо. Он в это время как раз связками бродит.

— Это как же?..

— Что это за «связки»?

— Нерестуется, начало февраля. Он всегда в это время идет,— словоохотливо объяснил старик.— Он как бы вроде змеев — в клубке. Тут только его и драть на песчаном месте. Где песок, там и связка. За ночь можно надрать штук двадцать, а то и поболе. Только блесну надо особую, о шести крючках...

— Какой величины? — Это крикнул кто-то уже у дверей, вылезая на своей остановке.

— С ладонь! — крикнул ему в ответ старик.— И опять же, как его приманить... Звон надо устроить. Или лязг. А иначе как? Налим изо всех рыб звук обожает. Как и сиг, к примеру. Без звука — случайность, а ежели звук, то уж он тут прет с полным удовольствием...

Чем дальше шла электричка, тем меньше оставалось рыбачков. Вылезли в Кавголове, в Токсове, в Васкелове. Мне бы тоже надо было выйти в Васкелове, но я решил ехать до тех пор, пока не будет сходить старик. У кого же, как не у него, можно было научиться...

Он огляделся — никого уже, кроме меня, рядом с ним не было.

— В Сосново или дале? — спросил он.

— Я бы хотел с вами,— сказал я и просительно улыбнулся.

— Думаешь, лучше, что ль, будет?

— А как же, вон вы как все здорово знаете.

— Это верно. Я всю литературу по этому делу перечитал. И Сабанеева, и Сабунаева, и Кунилова, и Никольского — всех и не перечтешь! «Рыбака-спортсмена» вдоль и поперек изучил. Все знаю, а вот как, скажи, рыбу пымать — не знаю...

ГЕРОИЧЕСКИЙ ВЬЕТНАМ БОРЕТСЯ

Минометчики Народной армии.

•

Огонь по врагу!

Фото У. Бэрчетта.

Рисунок М. Абрамова.

ЛИЦЕМЕРИЕ УБИЙЦ

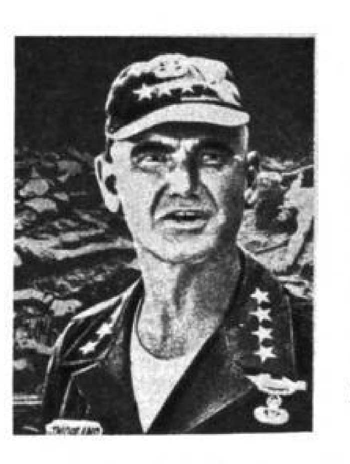
Американские самолеты вновь бомбят города и села Демократической Республики Вьетнам. Льется кровь ни в чем не повинных людей, горят дома и школы, с каждым днем увеличивается страшный список убитых, искалеченных, сирот...

Так завершил свое «мирное наступление» Вашингтон. Так подтвердил он свое заявление о стремлении к «миру во Вьетнаме». Пропагандистская шумиха американской дипломатии нашла свое прямое продолжение в новых злодеяниях военщины.

Вашингтон еще пытается обмануть общественное мнение. Одновременно с возобновлением массовых убийств во Вьетнаме правительство США потребовало созыва Совета Безопасности, где намерено предложить несколько резолюций, касающихся «умиротворения во Вьетнаме». Вновь делается попытка нагло выдать черное за белое — представить ДРВ агрессором и виновником войны, а США миротворцем и благодетелем.

Однако никакие выверты американской дипломатии не смогут обмануть народы. Им слишком хорошо известны факты. Разве о стремлении к миру свидетельствует проект бюджета США на следующий финансовый год! Из 113 миллиардов долларов больше 60 миллиардов пойдет на военные расходы. Только на расширение войны во Вьетнаме запланировано израсходовать 12 миллиардов долларов. Этой огромной суммы хватило бы для того, чтобы поставить на ноги экономику Вьетнама, реально помочь многострадальному народу, ограбленному колонизаторами. Но 12 миллиардов долларов пойдут на новые разрушения, на уничтожение и смерть. Таковы подлинная «помощь» и подлинное «миролюбие» Вашингтона!

Новые преступления американской военщины вызвали протест во всех странах. Народы гневно осуждают агрессоров, клеймят их позором. Совесть современного мира возмущена лицемерием убийц!

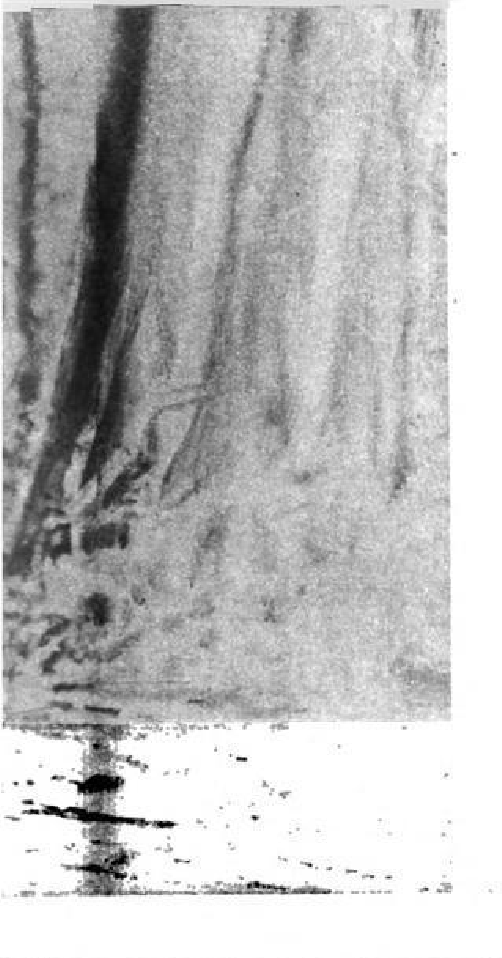

«Человек года» генерал Уэстмореленд.

Кровавые лавры генерала Уэстмореленда

Каждый год «Тайм» выбирает своего героя. На этот раз «человеком года» был назван командующий вооруженными силами США во Вьетнаме генерал Уэстмореленд. Редакция не остановилась перед расходами и послала скульптора в Гонолулу, где генерал предавался отдыху после ратных трудов. Скульптор не жалел материала и израсходовал пятьдесят фунтов отличной глины на генеральскую голову. Редакторы «Тайма» не поскупились на место и отвели шесть с лишним страниц на описание достоинств и деяний Уэстмореленда.

Читатели «Тайма» узнали, что им в идолы предложен человек возрастом в 51 год и весом в 180 фунтов. Им сообщили, что Уэстмореленд очень заботится о своей фигуре и, не желая полнеть, играет в теннис и делает по утрам изометрическую гимнастику, что доказывает его вполне современный образ мыслей. Оказалось, что генерал не курит, почти не пьет и не вставляет в свою речь крепкие выражения. Он предстал со страниц журнала также как заботливый отец и муж: свое семейство он отправил из Вьетнама в Гонолулу, подальше от беспокойной для американцев вьетнамской земли.

«Тайму» отлично известно, за что ценят Уэстмореленда в Пентагоне и в Белом доме. В зловещей истории эскалации американской агрессии во Вьетнаме генералу Уэстмореленду принадлежит особая роль. Заняв пост командующего американскими вооруженными силами во Вьетнаме в середине 1964 года, он не прославил свое имя громкими победами. Ему чаще приходилось подсчитывать поражения, которые наносили агрессорам патриотические силы Южного Вьетнама. Отчаяние и надвигающийся позор заставили его год спустя издать крик о помощи. В июле прошлого года, после срочного послания Уэстмореленда руководителям Соединенных Штатов, в Белом доме восемь дней шло секретное совещание, на котором было принято решение об эскалации.

Некурящий трезвенник Уэстмореленд оказался подходящей фигурой для осуществления эскалации кровопролития и зверств. Он не любит табачного дыма, ему больше нравится дым от горящих вьетнамских деревень, подожженных напалмом. Ему не нужно виски, он хмелеет от крови, пролитой солдатами, которые выполняют его приказы. Он не употребляет крепких выражений, заменяя их разрывами авиабомб. Его нежное отношение к детям хорошо известно вьетнамским матерям, которые потеряли своих детей под бомбежками. А о «современном» образе мышления американского генерала наиболее убедительно говорит употребление отравляющих газов.

«Тайм» свидетельствует, что генерал очень трудоспособен. Он усаживается за свой рабочий стол в 7.30 утра и встает из-за него с наступлением темноты. Вечерами он продолжает трудиться дома. Всех, кто приезжает из Штатов и поступает под его начало, он наставляет: «Работайте, как дьяволы». И эта дьявольская работа генерала и его подчиненных оборачивается новыми разрушениями и смертями. В 1965 году подчиненные Уэстморельнда уничтожали в Южном Вьетнаме отравляющими веществами посевы. В провинции Бентре после химических атак пострадало 46 тысяч людей, главным образом детей и женщин. Американские самолеты совершают до 250 боевых вылетов в день, сея смерть. В Северном Вьетнаме летчики США разрушили много школ, больниц, плотин.

Но от генерала ждут еще большего. За последнее время в Сайгоне побывало несколько десятков американских конгрессменов. Сообщая об этих визитах, журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» пишет: «Почти все они вернулись убежденными, что война будет долгой и трудной. Они поддерживают наращивание военных усилий — как более широкое использование авиации, так и увеличение наземных частей». И официальная Америка уже готовится к новому этапу эскалации. Уже составлен новый проект бюджета, в котором предусмотрен рост военных расходов; уже разработаны планы повышения налогов, как этого требует «военная необходимость»; уже корпорации предусматривают новое расширение военного производства.

Эту Америку вполне устраивает генерал Уэстмореленд, «человек года», года самой большой крови во вьетнамской войне.

А. СЕРБИН

Американские стервятники перед очередным вылетом на бомбежку.

Фельетон

Родина в опасности! Нужны солдаты. Срочно. Много солдат. Всех — на призывные пункты! В первую очередь, конечно, молодежь. Необходимо сегодня же пересмотреть все инструкции, по которым обычно проводился набор в армию. Необходимо отменить все ограничения, все льготы для различных категорий населения, подлежащих службе в армии. Правительство должно немедленно объявить состояние войны. С кем? Неважно! Главное, чтобы на призывные пункты шел непрерывный поток молодых людей.

У нас есть резервы. Можно поставить под ружье еще миллионы парней. Возьмите, к примеру, студентов. Почему их у нас все еще больше, чем солдат?! Надо предписать профессорам и преподавателям отсеять из высшей школы хотя бы половину студентов. Каким образом? По успеваемости. Говорят, что не наберется столько двоечников. Ну и что ж?! Гнать надо и тех, у кого тройки и даже четверки. Если руководители вузов не пойдут на это, то представители армии сами должны прийти в университеты и провести такой отбор.

Мы уже снизили призывной возраст с 21 года до 19 лет. Стоит ли вообще парням связываться с высшей школой до службы в армии? Я лично считаю, что в армии узнаешь больше, чем в университете. К тому же воля и характер всегда важнее знаний.

Итак, я утверждаю, что студентов слишком много и учатся они слишком долго. Конечно, кое-кого в высшей школе надо оставить. Мы ведь не варвары какие-нибудь. Мы тоже с понятием. Оставить будущих физиков-ядерников, инженеров, немного врачей и учителей. Но немного! Слышал я, что биологи теперь тоже во время войны могут пригодиться. Не будем призывать и биологов.

Нужно заткнуть все лазейки, через которые молодые люди ускользают от армии. Вспомните позорную историю с теми молодыми людьми, которым в случае регистрации брака давали отсрочку от военной службы. Сразу объявились сотни тысяч молодоженов. Слава богу, теперь с этим покончено. Они обженились, а мы их все равно — в солдаты.

Трудностей у нас хоть отбавляй. Но дело идет и быстро расширяется. Чего нам не хватает — это клерков и врачей на призывных пунктах. Правительство обязано ассигновать на них дополнительные средства. Ведь нашим сотрудникам приходится вести не только работу по приему и регистрации новобранцев. Многих из них еще нужно разыскивать днем с огнем, прежде чем нарядить в военный мундир. И таких приходится не только разыскивать, но и буквально силой приводить на призывные пункты.

Раньше многие призывники умудрялись «терять» повестки, а сейчас новая мода — сжигают их, причем делают это публично, во время своих демонстраций. Некоторые демонстранты имеют даже наглость врываться на призывные пункты и устраивать там беспорядки. При этом они до смерти пугают наших клерков и врачей. Будь у нас побольше сил, мы могли бы хватать таких демонстрантов прямо около призывных пунктов и тут же направлять их в армию. В связи с этим правительство должно наконец принять закон, обеспечивающий безопасность всем, кто работает на призывных пунктах. Ведь аналогичный закон уже действовал во время первой мировой войны.

И последнее, господа! Пора отменить нелепый закон, по которому уголовных преступников не берут в армию. Многие молодые люди ухитряются еще до призыва набрать необходимое число правонарушений, чтобы только не попасть в армию. Всех этих ловкачей, а с ними заодно и честных преступников необходимо призывать на военную службу. Без этого дополнительного источника людских резервов нам в настоящее время уже не обойтись.

* * *

Таковы вкратце мысли, изложенные Люисом Хёрши, генерал-лейтенантом, главой ведомства по набору в американскую армию. В журнале «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» его высказывания заняли семь страниц. Мы специально называем источник: при желании можно убедиться, что нами ни на йоту не искажены все основные мысли Хёрши.

В. НИКОЛАЕВ

Серьги Клеопатры

Дьердь МИКЕШ

Рассказ-пародия

— Мистер Хобсон! — торжественно доложил бородатый лакей.

В комнату вкатился низенький толстенький мужчина и, тяжело дыша, спросил:

— Где труп?

— Сожалею,— с достоинством ответил лорд Вернон,— но в настоящее время я не могу оказать вам этой услуги...

— Тогда скажите: зачем вы вытащили меня ночью из постели?

— Немного погодя все расскажу, а сейчас присядьте, пожалуйста... Можно предложить вам рюмочку?

— Благодарю. Детективы никогда не пьют в рабочее время: это нарушает нормальную работу мозговых извилин.

— Вы правы,— кивнул лорд.— Тогда я приступаю к рассказу. Сегодня вечером у меня собралось небольшое общество: мой племянник мистер Сеймур с женой, мистер Дейл, старый, интимный друг нашей семьи, со своей невестой мисс Томпсон и мой поверенный в делах мистер Паркер.

— Значит, вас было шестеро.

— Я знал, что эта арифметическая задача не будет для вас затруднительна...

— У меня всегда была пятерка по математике,— сказал Хобсон, закуривая трубку.

— С вашего разрешения я продолжу рассказ. После ужина племянник попросил, чтобы я показал обществу золотые серьги Клеопатры, которые вот уже пятьсот семьдесят лет принадлежат нашей семье. Они стоят целое состояние, вес каждой серьги — двести пятьдесят граммов...

— У Клеопатры, вероятно, были довольно прочные уши,— заметил Хобсон.

— Я вынул серьги из сейфа и положил на столик розового дерева. Внезапно погас свет. Я велел моему лакею Джеймсу принести свечи. Когда появился свет, мы с изумлением увидели...

— ...что серьги исчезли.

— Откуда вы знаете?

— Знаю. Хобсон отгадывает все загадки, для Хобсона нет тайн.

— Мы принялись их искать, но не нашли. Тогда мистер Дейл предложил нам обыскать друг друга. Испытывая страшную неловкость, мы произвели обыск. Серьги не нашлись. Теперь очередь за вами, мы в вашем распоряжении.

— Сколько у вас прислуги?

— В настоящее время трое: лакей, повариха и судомойка.

— Благодарю. Все данные я зафиксирую в уме. Теперь прошу вас перейти в другую комнату. Мне надо подумать. Если кто-нибудь мне понадобится, я вас позову.

Когда все вышли из комнаты, Хобсон подошел к столу, сделал большой глоток из бутылки с бренди, уселся возле камина и погрузился в размышления. К сожалению, ничего не приходило ему в голову. Но следствие он решил все-таки начать. При допросе выяснились интересные обстоятельства. Лорд рассказал, что финансовое положение мистера Дейла весьма плачевно: он пустился в аферы и прогорел. Его невеста — героиня скандальной истории, в которую замешана полиция нравов. Мистер Дейл, в свою очередь, сказал, что лорд несколько дней назад проиграл в карты и рулетку целое состояние. Мистер Сеймур признался, что его жена ему не жена и что эта дамочка вообще клептоманка. Дамочка сообщила, что мистер Сеймур сидел в тюрьме за растрату казенных денег. Поверенный в делах признался, что не кончал юридического факультета. Лакей насплетничал на повариху, будто она главарь женской гангстерской банды. Повариха изобличила лакея в том, что он в юные годы был фальшивомонетчиком.

Дело становилось все запутаннее. Кто мог украсть серьги Клеопатры? И где они спрятаны? Хобсон перерыл весь дом — ничего не обнаружилось. Долгое время он провел в библиотеке: детектив всегда любил книги, особенно взятые у других. Он даже подумал, что попросит у лорда что-нибудь почитать. Вдруг его взгляд остановился на одном томе, названия которого он не смог прочесть, так как книга стояла на полке перевернутой. Хобсон любил порядок: он вынул книгу и поставил ее правильно, успев прочитать заголовок: «Археология Египта». Подумав, что книга, вероятно, интересна, он продолжал осмотр. Несколько минут спустя он снова подошел к книге о египетской археологии. «Стоп!.. Египет, археология, Клеопатра... Подозрительно.!. Почему именно эта книга была перевернута? Очень подозрительно!» Дрожа от возбуждения, он вытащил томик и взглянул на полку... На задней стенке книжного шкафа виднелась кнопка... Хобсон с любопытством нажал ее, полка двинулась и повернулась вместе с книгами. Перед глазами Хобсона в стене открылось небольшое углубление, в нем лежали серьги Клеопатры. Обе серьги. Сыщик торжествующе взвыл. Услышав его вой, все вбежали в комнату.

— Я знал! Знал, что вы найдете!.. Благодарю вас! — вскричал лорд, выхватывая из рук Хобсона серьги.

— О, ерунда! Логика, ассоциации, интуиция. Вот и все. Теперь прошу немного терпения, и я представлю вам вора.

— Вор я,— неожиданно заявил племянник Сеймур.— Не сердись, дядюшка, серьги украл я. Мне были очень нужны деньги. Тайник я обнаружил случайно еще в детстве, когда играл в библиотеке...

— Но как серьги из столовой попали в библиотеку? — спросил Хобсон.

— Мне помогли лакей Джеймс и судомойка. Судомойка выключила свет, в темноте я украл серьги и сунул их в руки Джеймсу, которого ты, дядюшка, послал за свечами... Свечи были в библиотеке... Прошу тебя, прости меня...

* * *

Две недели спустя мастер сыска Хобсон получил письмо:

«Дорогой мистер Хобсон! Благодарю за то, что вы помогли нам украсть серьги Клеопатры. Без вашей помощи мы бы их никогда не нашли, но ведь Хобсон разгадывает все загадки, для Хобсона нет тайн! Настоящий лорд Вернон в данное время находится в Америке и, по всей вероятности, будет весьма недоволен, когда выяснится, что вы приняли участие в нашем деловом предприятии. Все действующие лица — гости, слуги — являются членами банды «Черный паук», главарем которой я имею честь состоять. Не правда ли, мы хорошо сыграли свои роли? Сердечно вас приветствую. Черный паук.

P. S. Вы получили от нас сто фунтов в качестве гонорара. Будьте спокойны, чек фальшивый».

Перевела с венгерского Елена ТУМАРКИНА.

Рисунок Ю. Черепанова

ЧЕТВЕРОНОГИЙ ТАЛИСМАН

Канадский чемпион по боксу Юре Чувало удивил даже спокойных англичан, появившись на улицах Лондона со своим талисманом — четырехлетним черным медведем.

3

ГОНГ И СВЕТОФОР

Для регулирования уличного движения в Зальцбурге (Австрия) приспособили гонг. Он раздается каждый раз, когда на светофоре появляется зеленый свет. По мнению местных властей, новшество привлечет в город больше туристов.

АССИСТЕНТКА МАНЕКЕНЩИЦ

Минувшим летом в показе новых туалетов на одном из парижских речных пляжей участвовала и эта веселая обезьяна. Она ассистировала профессиональным манекенщицам.

абавные мелочи

КРОКОДИЛ В КУРЕ

Мы шли берегом Куры. Мутная вода торопилась к Каспию. Каково было наше удивление, когда мы увидели в заводи крокодила! Он лежал смирно и смотрел на нас немигающими глазами.

Крокодил? В Куре? Да, только он был не настоящим, а деревянным. Вырвала вода дерево, носила его от берега к берегу, обломала корни, отшлифовала. Получилась голова, а вместо глаз — сучки, черные, зоркие. Вот и крокодил!

А. Глазков

КАЛИФ НА ЧАС

Мечта Эвана Петерсена сбылась: его назначили начальником пожарной охраны местечка Оддер в Дании. Едва он вернулся домой с этой новостью, как раздался сигнал тревоги. «Не выйдет,— подумал Петерсен,— хотят подшутить над новым начальником».

Вечером он узнал, что его пожарная часть сгорела дотла.

ЖЕНЩИНА-СИЛАЧ

Двадцатидевятилетняя испанка Анджела Вила Гарцол считается самой сильной женщиной Испании. Она шутя сгибает толстый железный стержень и одной рукой удерживает мотороллер.

ЖИВЫЕ УКРАШЕНИЯ

Многие мексиканские девушки вместо брошек носят на тонких цепочках живых майских жуков.

ДОБРОСОВЕСТНЫЙ СУДЬЯ

Дожди и ветры обрушились нынешней зимой на Западную Европу, затопив городские улицы и спортивные площадки. Чтобы своими глазами убедиться, что футбольное поле очутилось под водой, этот педантичный судья на лодке и под зонтом объехал один из голландских стадионов и удостоверился в его непригодности для игры.

ИСПЫТАНИЕ ТАРЫ

В магазинах Норвегии появилось в продаже молоко, упакованное в мешочки из прочной синтетической пленки. О том, насколько удобна и надежна новая тара, позволяет судить это испытание.

КОРМИЛИЦА

Такую сценку можно наблюдать в Дрезденском зоопарке. Птичка подлетает к бассейну с червяком в клюве. Рыбы тотчас подплывают к берегу и раскрывают рты, куда добровольная кормилица опускает свою добычу. Ученые не могут объяснить причину этой заботливости. Видимо, раскрытая рыбья пасть напоминает пичуге рты вечно голодных ее птенцов.

Не угодно ли ознакомиться с европейскими модами на 1966 год?

Фото ЮПИ.

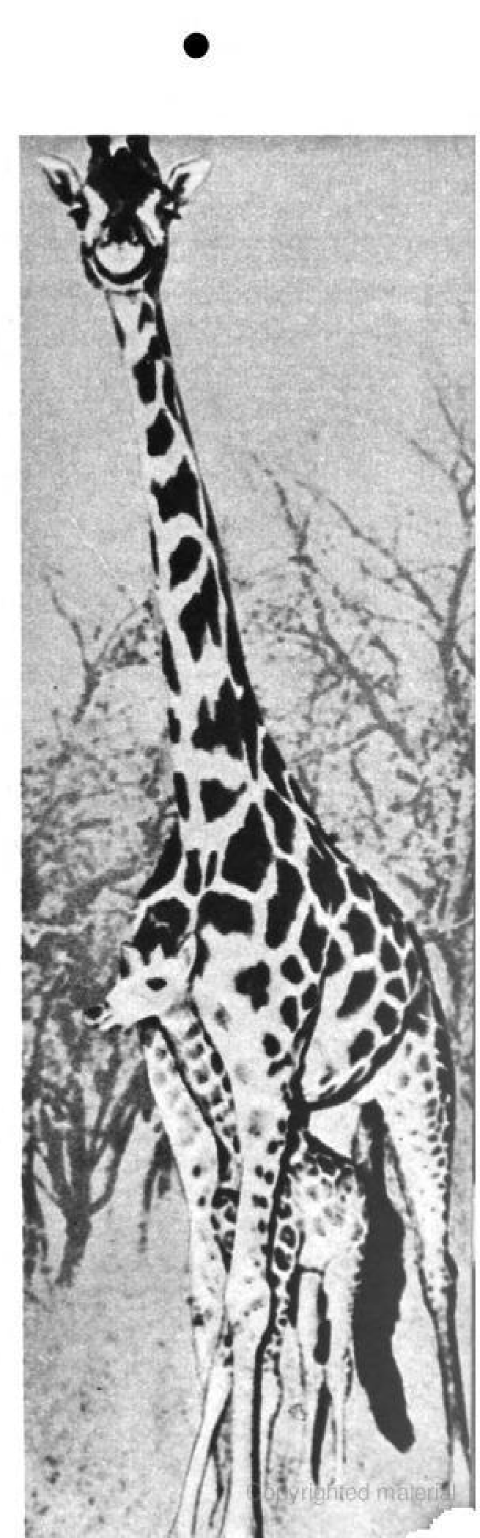

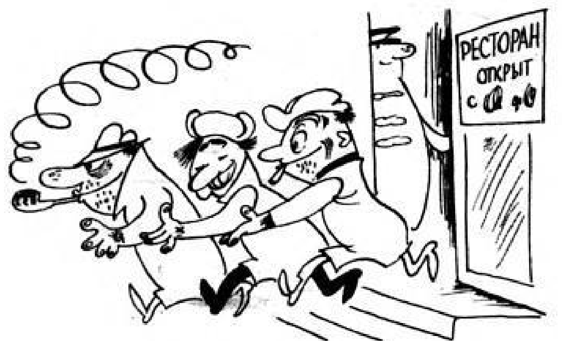
СТИХИ ПО ТЕЛЕФОНУ

Каждый житель Вены может прослушать стихи любимых поэтов по телефону. Для этого ему нужно набрать номер «17-80». С первого ноября 1965 года городская служба связи передает по телефону стихи австрийских поэтов, записанные на магнитофонную пленку. Срок слушания стихов ограничен тремя минутами.

ЛОЖНАЯ ТРЕВОГА

Что-то мелькнуло среди кустов. На случай опасности мама-жирафа прикрыла малыша. Но тревога оказалась ложной.

Остановки: «Золотой якорь», «Ландыш», «Метрополь», далее — везде...

— Третий раз попадаю сюда, и каждый раз подбирается хорошая компания.

Рисунки О. Корнева и Н. Станиловского.

Без слов.

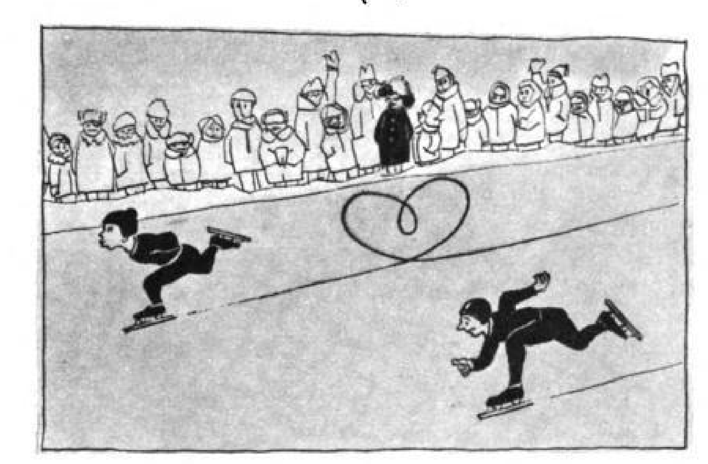
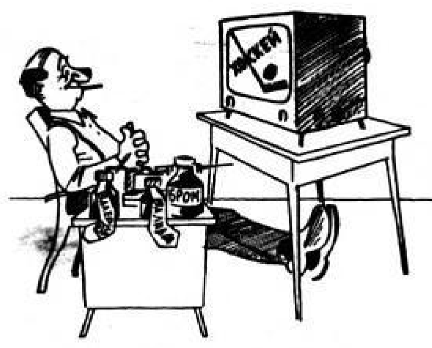

Рисунок Н. Елинсона.

ВОКРУГ ШАЙБЫ

Рисунки Б. Боссарта.

— Ну, теперь пусть начинают.

Удален до конца игры.

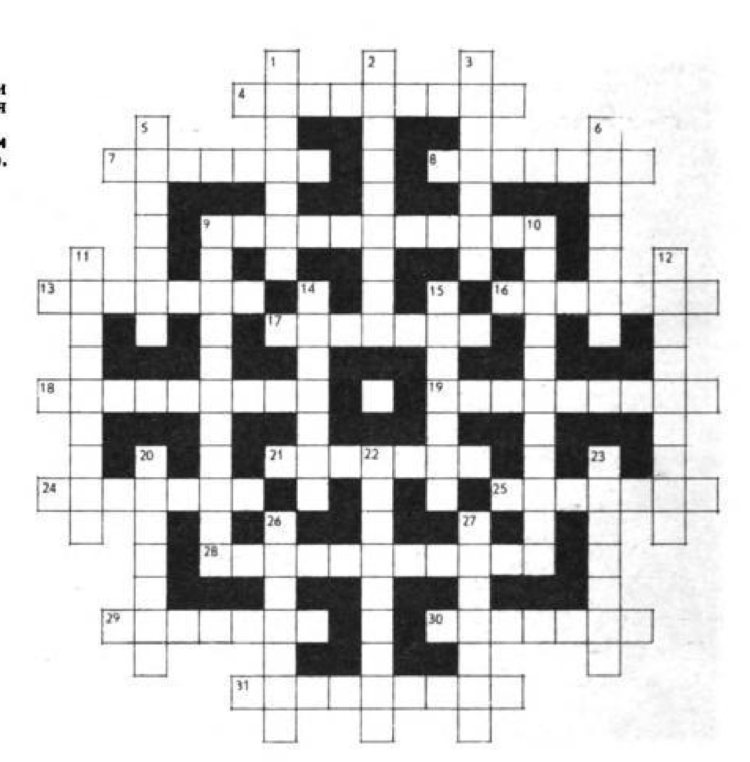
От двух бортов в лузу.

Хорошо оснащенному болельщику ангина — не помеха.

Команда городского музея.

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Советская балерина. 7. Курорт на берегу Черного моря. 8. Морская рыба. 9. Штат в США. 13. Порт на озере Онтарио. 16. Аппарат для регулирования напряжения в электроцепи. 17. Порода собак. 18. Персонаж романа М. Шолохова «Поднятая целина». 19. Украинская народная песня-танец. 21. Приток Волги. 24. Медицинское учреждение. 25. Металлический барометр. 28. Краевой центр в РСФСР. 29. Озеро в Тянь-Шане. 30. Певица, народная артистка СССР. 31. Верхний полуэтаж дома.

По вертикали:

1. Гидротехническое сооружение. 2. Отвесная прямая линия. 3. Птица семейства утиных. 5. Ударный музыкальный инструмент. 6. Стихотворный размер. 9. Изобретатель ранцевого парашюта. 10. Геометрическая фигура. 11. Типографский шрифт. 12. Автор повести «Звезда». 14. Учебник. 15. Грузоподъемный механизм. 20. Советский авиаконструктор. 22. Испанский писатель. 23. Сказительница беломорских былин. 26. Река в Австралии. 27. Строительный материал, сложенный в правильную форму.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 5

По горизонтали:

4. Галилей. 7. Кришна. 8. Танбур. 9. Платформа. 13. Бузони. 14. Пурус. 16. Наксос. 17. Монограмма. 18. Сестрорецк. 20. Бушлат. 22. Афиша. 23. Циклон. 25. Австралия. 28. Лахути. 29. Секанс. 30. Бегемот.

По вертикали:

1. Кристофори. 2. Фарада. 3. Сектор. 5. Брутто. 6. Кубрик. 9. Прибаутка. 10. Аннотация. 11. Муюнкум. 12. Козерог. 14. Пемза. 15. «Смена». 19. Гидросфера. 21. Лоцман. 24. Квашня. 26. Свинец. 27. Лесков.

На первой странице обложки: Оперой «Морозко» открылся Детский музыкальный театр в Москве.

Фото И. Тункеля.

На последней странице обложки: Шедевры музея в Абрамцеве. Майолика М. А. Врубеля.

Фото Г. Макарова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. Оформление И. МИХАЙЛИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 10517. Подписано к печати 2/II 1966 г.
Формат бум. 70 × 108 1/8. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Заказ № 249. Тираж 2 000 000. Изд. № 240.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

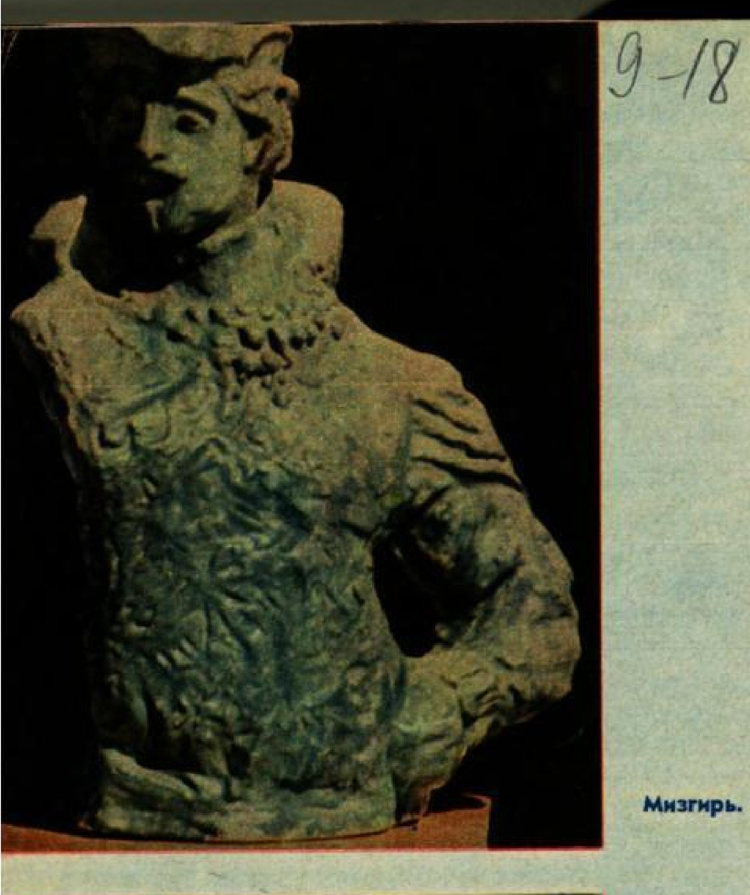
ПО НАРОДНЫМ МОТИВАМ

В современной одежде часто используются элементы народного костюма. Особенно привлекают модельеров всего мира русские мотивы. Мы предлагаем нашим читательницам несколько зимних моделей такого типа:

1. Суконное пальто отделано полосой барашка. Петли воздушные, пуговицы плетеные. Подкладка и платок из яркой набивной ткани.
2. Костюм для лыжных прогулок. Отделка на куртке — кант и пришивные петли. Башлык из белой шерсти с цветной кистью.
3. Нарядная стеганая шубка из шелка. Шапочка, воротник и муфта (которая снова в моде) из меха. Стежка делается на поролоне или на ватине. Петли и пуговицы из шнура.
4. Пальто из черного сукна. Черным шнуром обшит край борта, карман и линия талии на спине. Большой шерстяной белый платок и белые варежки, отделанные яркой вышивкой (шерстяными нитками), делают туалет нарядным.

Н. ГОЛИКОВА

Рисунок автора.

Мизгирь.

Египтянка.

Волхова.

Фрагмент камина.

Цена номера 30 коп.

Индекс 70663